

**ЕЛЕНА
БОРИСЁНОК**

НЕСОВЕТСКАЯ УКРАИНИЗАЦИЯ

**ВЛАСТИ ПОЛЬШИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ
И РУМЫНИИ И «УКРАИНСКИЙ
ВОПРОС» В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Елена Борисёнок

**Несоветская украинизация:
власти Польши, Чехословакии
и Румынии и «украинский
вопрос» в межвоенный период**

«Алгоритм»

2018

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

Борисёнок Е. Ю.

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и
Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период /
Е. Ю. Борисёнок — «Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-906995-26-1

После распада империй Романовых и Габсбургов украинское движение предприняло попытку создать собственное национальное государство. На карте революционной Европы появились Украинская Народная Республика, Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако их существование оказалось недолгим. На большей части украинских земель укрепилась советская власть, была образована Украинская ССР и развернута политика украинизации. Западные украинские земли были включены в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Перед лидерами этих государств стоял сложный выбор: избрать курс на ассимиляцию украинцев или же, учитывая воздействие советской национальной политики, представить собственный вариант украинизации. Какой же была украинская политика Варшавы, Праги и Бухареста? В книге впервые в российской историографии подробно сравниваются различные модели решения «украинского вопроса» на территории Восточной Европы.

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906995-26-1

© Борисёнок Е. Ю., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Введение	6
Степень изученности темы	8
Источниковая база	21
Глава 1	24
§ 1. Накануне глобальных перемен	24
§ 2. Мечты и реальность: создание украинских государств на территории бывшей Российской империи	33
§ 3. «Украинский вопрос» в геополитике: планы Советской России и Польши (1919–1920 гг.)	38
§ 4. Восточная Галиция, Угорская Русь, Северная Буковина и Бессарабия: коллизия национальных интересов	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Юрьевна Борисёнок

Несоветская украинизация: власти Польши, Чехословакии и Румынии и «украинский вопрос» в межвоенный период

Введение

Первая половина XX века стала эпохой глобальных изменений на политическом пространстве Восточной Европы. Первая мировая война и последовавший распад Российской империи и Австро-Венгрии поставили на повестку дня вопрос об образовании новых национальных государств. Однако провести государственные границы на востоке Европы, с его полиэтническим и многоконфессиональным населением, оказалось очень сложно. Появившиеся на карте послевоенной Европы новые государства не являлись мононациональными: на этих территориях проживали представители различных этносов, а значительные группы титульной нации оказались в составе населения разных государств. Правительства этих стран должны были решить вопрос о том, прибегать ли к национальной или государственной ассимиляции или признать права нетитульных наций и определить формы и виды самоуправления на определенных территориях.

После распада империй обострился «украинский вопрос». Сторонники «украинской идеи» предприняли попытку формирования национальных государств. О своем существовании заявили Украинская Народная Республика и Западно-Украинская Народная Республика, Украинская Держава гетмана Скоропадского. Однако укрепиться этим государственным образованиям не удалось, и в итоге большинство украинских земель вошло в состав Украинской ССР, а остальная их часть, согласно мирным договорам, заключенным после окончания Первой мировой войны, была включена в состав Польши, Чехословакии и Румынии. Молодые государства столкнулись с необходимостью установления типа государственного устройства на землях, населенных украинцами.

Для западных украинских земель какой-либо автономии не было создано, несмотря на указания, содержащиеся в подписанных после войны мирных договорах. Продолжавшее существовать украинское движение пыталось в меру своих сил бороться за право украинцев на самостоятельное государственное существование. Неудивительно, что деятели украинского движения использовали ослабление Чехословацкого государства в 1938 г. для того, чтобы добиться превращения Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину.

Другая ситуация сложилась на Советской Украине. Если в Польше, Чехословакии, Румынии украинцы стали национальным меньшинством, то в УССР – «коренной национальностью». Большевицкая партия объявила о необходимости «исправить» последствия «русификаторской» политики царского правительства, дабы облегчить путь «социалистического строительства». Правительство Советской Украины под руководством центральных властей в Москве взяло курс на украинизацию в рамках общесоюзной политики коренизации партийного и государственного аппарата в национальных республиках.

Учитывая активное внимание современного российского общества к украинской проблематике, изучение украинской политики государств, в которых в межвоенные годы компактно проживало украинское население, сравнение различных моделей решения «украин-

ского вопроса» является актуальной научной задачей, поскольку позволяет дать представление о методах национального строительства на восточноевропейском пространстве в межвоенный период, что необычайно важно для понимания закономерностей в развитии полиэтнического государства.

Степень изученности темы

Историография избранной проблемы достаточно специфична. Долгое время отсутствовали специальные исследования, непосредственно посвященные указанной проблематике, что объяснялось как ограниченностью источниковой базы из-за недоступности определенных архивных материалов, так и чрезвычайной политизированностью темы.

В Советском Союзе приоритет в изучении национальной истории принадлежал исключительно союзным республикам. Исследования по истории Украины были сосредоточены в самой УССР, а в центральных научных учреждениях украинские сюжеты затрагивались в рамках общих проблем. В соответствии с актуальной на тот момент версией истории КПСС глорифицировалась советская национальная политика, а украинское национальное движение рассматривалось как буржуазно-националистическое, контрреволюционное. Исследователи не могли вдаваться в подробности, рассказывать о «неудобных» деятелях и интерпретировать украинизацию иначе, чем предусматривала актуальная на тот момент версия истории КПСС. Поэтому в советский период проблема украинизации оставалась малоизученной. При этом подчеркивалось, что политика Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии по украинскому вопросу была захватнической, а борьба трудящихся Западной Украины носила национально-освободительный характер.

Для современной российской историографии характерен взгляд «сверху вниз», в связи с чем обычно ставятся вопросы влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в регионах, поэтому ощущается дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике. Это характерно для работ, посвященных изучению положения украинского населения как в Советском Союзе, так и в Польше, Чехословакии и Румынии.

Необходимо отметить явный недостаток исследований российских ученых по украинской проблематике. Тем не менее об актуальности этой темы свидетельствуют появившиеся в последние годы труды обобщающего характера. Усилиями российско-украинской комиссии историков при Президиуме РАН и Президиуме НАНУ были подготовлены коллективные труды. Российские историки под руководством А. О. Чубарьяна подготовили «Очерки истории России» на украинском языке, а украинские специалисты во главе с В. А. Смолием – «Историю Украины» на русском. Украинские коллеги подчеркивают вынужденность советской политики украинизации, указывая, что «Советская Россия завоевала Украину с третьей попытки, однако удерживать ее только военной силой было невозможно. Граждане Украины должны были убедиться в том, что советская власть – это их собственная власть. Представителям этой власти следовало общаться с ними на их родном языке»¹. Положение украинцев в Польше, Чехословакии и Румынии изложено кратко, при этом сделан акцент на развитие украинского национального движения в этих странах, а политика Варшавы, Праги и Бухареста изложена схематично.

В «Очерках истории России» политика центра в отношении Украинской ССР в целом и украинизация в частности не относятся к числу приоритетных тем, что объясняется объективно существующими для такого рода работ ограничениями по объему представляемого материала. Тем не менее в очерках указано, что советская политика «предусматривала национальную консолидацию в границах республик (что отразилось и на политике украинизации в УССР)»².

¹ История Украины. Научно-популярные очерки / Под ред. В. А. Смолия. М., 2008. С. 626.

² Нариси історії Росії / Пер. з рос.; за заг. ред. О. О. Чубаряна. Київ, 2007. С. 644.

В 2015 г. вышла «История Украины»³, написанная российскими историками, членами российско-украинской комиссии И. Н. Данилевским, Т. Г. Таировой-Яковлевой, А. В. Шубиным, В. И. Мироненко. Как подчеркивает во введении А. О. Чубарьян, эта книга является «приглашением группы авторов к диалогу по весьма актуальной и непростой исторической проблеме»⁴. При изучении событий межвоенного периода основное внимание уделяется Советской Украине, тогда как западным украинским землям уделяется значительно меньше внимания. При этом в соответствующем разделе анализируется не столько политика государства в отношении украинских земель, сколько деятельность украинского национального движения. В том же году была издана «История Новороссии» А. В. Шубина, в которой рассмотрены особенности развития юга и востока «современного государства Украины по сравнению с центральными и западными регионами этой страны»⁵.

Среди существующих работ российских ученых в области украинистики следует выделить монографию А. И. Миллера, в которой анализируется процесс принятия властями Российской империи решений в отношении украинского национального движения, столкновение украинского проекта национального строительства с проектом формирования «большой русской нации»⁶. И. В. Михутина изучила проблему становления украинского идейно-политического течения, с оформлением которого в России на протяжении XIX в. возник украинский вопрос, развитие украинской национально-политической программы, восприятие ее российскими политическими силами⁷. Кроме того, исследовательница рассматривает развитие украинского движения после февральской революции, акцентируя внимания на сложных событиях конца 1917 г. – начала 1918 г., когда велись дипломатические переговоры, завершившиеся подписанием мирного договора между Украинской Народной Республикой и государствами Четверного союза⁸. А. В. Шубин в своей работе о Н. И. Махно анализирует сложные события периода Гражданской войны, попытки анархистов воплотить свои идеалы в жизнь. Ученый уделяет внимание оппонентам анархистов – большевикам, белогвардейцам, деятелям украинского движения, также нацеленным на создание независимого государства⁹. А. С. Пученков рассмотрел политические процессы на Украине и в Крыму в 1918 – начале 1919 г.: историю Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского, немецкую оккупацию Украины, идеологию гетманщины, взаимоотношения Скоропадского с российским Белым движением, предпосылки французской интервенции на Юге России и причины ее неудачи, специфику развития революционного процесса в Крыму¹⁰. Авторы очерков «Русские об Украине и украинцах» рассматривают складывавшийся в русском общественном сознании образ украинца с точки зрения его этнической, культурной и языковой принадлежности, места и роли в восточнославянском пространстве. Основное внимание в книге уделено этнокультурному восприятию русским обществом населения украинских земель в связи с процессом формирования и развития в рамках единого государственного пространства различных систем идентичностей (общерусской, национальной, региональной)¹¹.

³ История Украины. СПб., 2015.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Шубин А. В. История Новороссии. М., 2015. С. 3.

⁶ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века), СПб., 2000.

⁷ Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

⁸ Михутина И. В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной Рады. М., 2007.

⁹ Шубин А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. Нестор Махно как зеркало Русской революции. М., 2005; *Его же*. Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1920 гг. в России и Украине. М., 2013.

¹⁰ Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013.

¹¹ Русские об Украине и украинцах / отв. ред. Е. Ю. Борисенок. СПб., 2012.

Появились исследования, посвященные украинской советской проблематике¹². А. В. Марчуков в качестве проблемы исследования избрал украинское национальное движение в 1920-1930-е гг., он рассматривает его как историю «конструирования и строительства украинской национальной общности и „Украины“ как особого национально-политического организма, преобразования крестьянского, малорусского, русинского населения в „украинцев“, утверждения среди них украинского национального самосознания и украинской идентичности». Ученый отмечает, что в 1920-1930-е гг. движение «было неоднородно и объединяло представителей разных политических сил – от „петлюровцев“ до украинских национал-коммунистов»¹³. К. С. Дроздов в своей монографии «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.» проанализировал механизм регулирования русско-украинских национальных взаимоотношений на территории тех регионов РСФСР, где проживало украинское национальное меньшинство¹⁴. Идейные основы эволюции национальной политики СССР изучил А. И. Вдовин. В центре его внимания – русский народ «как системообразующее ядро новой исторической общности, формирующейся в СССР»¹⁵.

Среди работ, посвященных национально-культурной политике большевиков, следует отметить труды Т. Ю. Красовицкой. Анализируя этносоциокультурную ситуацию в стране, Красовицкая показывает все сложности процесса советской модернизации в полиэтническом государстве, влияние политики большевиков на национальные культуры¹⁶. Особенности проведения советской национальной политики в БССР продемонстрированы в монографии Ю. А. Борисенка: он рассматривает вопросы развития белорусского общества и формирования белорусских государственных структур на фоне межгосударственного и геополитического противостояния между Польшей и Россией в первой половине XX в.¹⁷

Однако особый интерес представляют работы, посвященные Западной Украине. Проблемы польско-украинского пограничья рассмотрены В. Н. Савченко¹⁸. По его мнению, в начале XX в. у коренного восточнославянского населения Галиции имелись три пути дальнейшей национально-культурной эволюции: «1) традиционный, в качестве составной части малорусской ветви общерусской общности; 2) в направлении окатоличивания и полонизации; 3) в направлении украинизации и обособления». При этом последний путь хотя и «представлялся наименее вероятной перспективой», тем не менее именно он начал реализовываться. При этом «укаинофильство окончательно восторжествовало» после «присоединения почти всей Восточной Галиции к УССР в 1939 г.», с началом советской украинизации края¹⁹.

¹² Недостаточно работ, посвященных проблеме советской украинизации. По существу, сослаться можно лишь на наши работы, напр. «Феномен советской украинизации» (М., 2006), а также статьи, опубликованные в журналах «Славяноведение», «Отечественная история», «Родина» и других изданиях начиная с 1998 г.

¹³ Марчуков А. В. Украинское национальное движение; УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 544, 549. В 2015 году вышло второе издание книги, причем «при переиздании было решено не вносить изменения в ее текст» (Марчуков А. В. Украинское национальное движение. УССР. 1920-1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2015. С. 9). Отсутствие изменений в тексте касается и раздела историографии.

¹⁴ Дроздов К. С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.). М.; СПб., 2016.

¹⁵ Вдовин А. И. Русские в XX в. М., 2004; Его же. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа М., 2013.

¹⁶ Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925. М., 1992; Ее же. Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. М., 1998; Ее же. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 гг.): Документы и материалы. М., 2007; Ее же. Модернизации российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011.

¹⁷ Борисенко Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.

¹⁸ Савченко В. Н. Восточнославянское польское пограничье, 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.

¹⁹ Савченко В. Н. Восточная Галиция на историческом перепутье: 1910 – начало 1920-х годов // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 181–182.

В 2016 г. вышла монография М. Э. Клоповой, посвященная истории национальных движений восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века²⁰. Основное внимание в исследовании уделено соперничеству украинского и русофильского направлений, влиянию на общественно-политическую жизнь Восточной Галиции позиции галицийской администрации и имперского правительства, польского национального движения, а также австро-российских отношений.

Российские слависты также уделяют внимание украинскому вопросу в политике Польши и Чехословакии в межвоенный период. Прежде всего, следует отметить труды известного российского полониста Г. Ф. Матвеева и, прежде всего, его биографию польского политического деятеля Ю. Пилсудского²¹. Для нашей проблемы заслуживают внимания исследованные Матвеевым сюжеты, связанные с формированием границ II Речи Посполитой и борьбой между поляками и украинцами за обладание Восточной Галицией, а также польско-советской войной. Немало внимания украинским сюжетам уделено и при рассмотрении российским историком внутренней политики Польши в 1920-1930-е гг., в том числе операции так называемого «умиротворения» в Восточной Галиции 1930 г. Стоит отметить также его исследование положения военнопленных красноармейцев в Польше²², а также его многочисленные статьи и публикации.

С. В. Ольховский рассматривает «волынский эксперимент» как модель сосуществования польского и украинского общества во II Речи Посполитой: «В Галиции украинское самосознание сформировалось на платформе негативной оценки всего исторического опыта польско-украинских отношений и вооруженной борьбы за создание независимой Украины, при этом относительная непопулярность сепаратистских идей среди украинцев Волыни давала польской администрации шанс реализации иного сценария – формирования лояльного государству украинского движения»²³. Как отмечает Е. В. Бондаренко, идейно-концептуальной основой «волинской программы» было то, что «она преследовала цель создать на территории воеводства своеобразный анклав польско-украинского общежития и согласия», для чего «предполагалось привлекать украинцев, и прежде всего деятелей бывшей УНР, к политической жизни страны путем расширения их участия в деятельности законодательных органов, органов местной администрации и самоуправления, кооперативных организаций»²⁴. Большой интерес представляют работы Т. М. Симоновой, посвященные идеям польского прометеизма, предполагавшим руководящую роль польского государства в Восточной Европе и направленным главным образом против России²⁵.

К. К. Федевич доказывает, что польско-украинские отношения в межвоенном польском государстве не сводились к противостоянию, а в значительной мере представляли собой историю мирного сосуществования, взаимодействия и взаимной адаптации. При этом «наивыс-

²⁰ Клопова М. Э. Русины, русские украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016.

²¹ Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М., 2008.

²² Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

²³ Ольховский С. В. Основные тенденции развития украинского национального движения в межвоенной Польше // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4. С. 272.

²⁴ Бондаренко Е. В. «Волинская программа» Г. Юзефского: сущность и проблемы реализации (1928–1938 гг.) // Право и политика. 2014. № 6 (174). С. 851–852.

²⁵ Симонова Т. М. Именем революции: мир и счастье – на штыках // Родина. 2000. № 10. С. 59–62; *Ее же*. «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 119–131; *Ее же*. Стратегические замыслы начальника польского государства Юзефа Пилсудского: прометеизм во внешней политике Польши в 1919–1923 гг. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 42–48; *Ее же*. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Ее же*. «Мы бесподанные безгосударственники...» Россияне в межвоенной Польше // Родина. 2007. № 2. С. 75–81; *Ее же*. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.

шего уровня процессы государственной интеграции галицких украинцев в Польшу достигли в середине 1930-х гг., когда самые влиятельные политические силы Восточной Галичины Украинское национально-демократическое объединение и греко-католическая церковь присоединились к правящему лагерю Польши и помогали ему в борьбе с польской политической оппозицией в обмен на поддержку лояльных украинских политических, культурных и деловых структур»²⁶.

Среди работ, посвященных анализу положения восточнославянских земель в составе межвоенной Чехословацкой Республики, следует выделить труды К. В. Шевченко. Рассматривая проблему развития альтернативных этнических идентичностей у восточнославянских народов, исследователь подчеркивает, что «в межвоенный период Карпатская Русь оказалась единственным уцелевшим после Первой мировой войны и распада Российской империи островком, на котором продолжала существовать и развиваться идея общерусского этнокультурного и языкового единства. Если в СССР взгляд на восточных славян как на три отдельных народа – русских, украинцев и белорусов – был принят в качестве единственно правильного и навязывался всей мощью советской пропаганды и административной системы, то среди карпатских русинов, вошедших в межвоенный период в состав Чехословакии и Польши, сохранялась отвергнутая в СССР идея общерусского единства, а противоборство между различными национальными ориентациями протекало в более естественных условиях»²⁷.

Несомненный интерес представляет монография А. И. Пушкаша, в которой перипетии внутренней жизни карпатского региона рассмотрены на фоне сложной международной обстановки. Анализируя события 1938–1939 гг., автор приходит к выводу, что внешний фактор оказывал определяющее влияние на события в этом регионе. Так, «перемены в Карпатской Украине в первые месяцы 1939 года проходили под влиянием внешнего фактора – гитлеровской Германии»²⁸.

Проблемы, связанные с историей, культурой и идентичностью карпатских русинов²⁹, изучает М. Ю. Дронов. Особое внимание исследователь уделяет роли Греко-католической церкви в процессах формирования этнонациональной идентичности русинов³⁰. Исследователь пришел к выводу, что в Карпатском регионе украинская идентичность «являлась дальнейшим развитием... малорусской идентичности. Под влиянием информации об успехах украинской национальной идеи в других регионах (в частности, в Галиции) переход от малорусскости к украинству трактовался как природный процесс для всех тех, кого еще недавно относили к малороссам»³¹. При этом М. Ю. Дронов отмечает изначальную искусственность и малую популярность малорусской идентичности на южных склонах Карпат.

В. В. Марьина, рассматривая историю присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), уделяет внимание событиям 1938–1939 гг. В частности, она отмечает, что А. Волошин и его сторонники «разрабатывали грандиозные планы превращения Подкарпатской Руси в своего рода „украинский Пьемонт“, согласно которым она должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание „Великой Украины“ мыслилось при поддержке и под протекто-

²⁶ Федевич К. К. Галицькі українці у Польщі 1920–1939 (Інтеграція галицьких українців до Польської держави у 1920–1930-ті рр.). Київ, 2009. С. 270.

²⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 383.

²⁸ Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье в 1918–1945 гг. М., 2006. С. 270.

²⁹ В данной связи нельзя не упомянуть «Энциклопедию Подкарпатской Руси» И. И. Попа: Поп И. И. Энциклопедія Подкарпатської Русі. Ужгород, 2001; 2-е изд. Ужгород, 2006.

³⁰ Дронов М. Ю. Роль Греко-католической церкви в формировании этнонациональной идентичности русинов Словакии (1919–1938). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2013.

³¹ Там же. С. 54.

ратом нацистской Германии»³². Анализируя «украинский фактор» накануне и в начале Второй мировой войны, А. Ф. Носкова подчеркивает, что «оформление и подъем украинского движения за рубежом, как, впрочем, и всей антисоветской эмиграции, его локализация в соседней Польше не могли не рассматриваться в Москве как серьезная угроза для стабильности СССР и советской Украины в особенности. В этой связи среди известных побудительных причин, которыми ученые объясняют действия И. В. Сталина летом 1939 г., на мой взгляд, не достает такого мотива, как намерение нейтрализовать опасное влияние ОУН на подъем украинского сепаратизма в УССР путем включения в состав СССР тех территорий, где украинцы составляли значительную часть смешанного населения»³³.

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо проявляются тенденции найти взвешенный, объективный подход к сложным реалиям восточноевропейской истории 1920-1930-х гг. Накопленный отечественными исследователями опыт в изучении данной проблематики уже достаточно обширен и требует сопоставления с конкретным фактическим материалом по истории Украинской ССР, Восточной Галиции, Подкарпатской Руси, Буковины и Бессарабии.

Начиная с 1920-х гг., об украинизации писали зарубежные ученые. Особенно активны были представители украинской диаспоры, затрагивавшие в своих трудах различные аспекты культурной жизни и национального строительства. В многочисленных публикациях нашли отражения события революции и гражданской войны на Украине, советская политика украинизации и политика в отношении украинского вопроса в странах Восточной Европы в межвоенный период. Несмотря на то что диаспорная историография насчитывает значительное количество работ, проблема положения украинцев в восточноевропейских странах в них не нашла объективного изложения. Если деятельность правительств УНР, ЗУНР, Украинской Державы освещалась в зависимости от политических предпочтений автора, то советские реалии получали в основном негативную оценку. Их авторы представляли альтернативный советской литературе подход и, стремясь изложить свое видение национально-культурного процесса 1920-1930-х гг. и одновременно разоблачить своих идеологических противников, впадали в крайность.

Украинская тематика затрагивалась и западными учеными неукраинского происхождения: за рубежом активно развивалась советология. Отсутствие доступа к официальным документам и ограниченность источниковой базы, с одной стороны, и формирование образа СССР как образа врага в условиях «холодной войны» заставляет с осторожностью подходить к такого рода работам.

Впрочем, это обстоятельство отнюдь не исключает наличия перспективных идей у зарубежных специалистов. Так, уже в 1929 г. У. Р. Бэтселл доказывал, что советская национальная политика является тактическим маневром для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Оказывая в целом благотворное влияние, эта политика была связана с лояльностью тех или иных народов по отношению к советской власти, но одновременно была потенциально опасна для центрального руководства, поскольку формировавшиеся местные элиты рано или поздно поставят вопрос о самостоятельности «своих» территорий³⁴.

После Второй мировой войны, с конца 1940-х до середины 1980-х гг., появилось немало зарубежных исследований, посвященных истории Советского Союза, в которых так или иначе трактовалась и национальная проблематика. Так, в работах И. Дойчера, Р. Пайпса, Э. Х. Карра национальная политика СССР рассматривалась как производная от более широких

³² *Марыня В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 7.

³³ *Носкова А. Ф.* Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне) // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века*. СПб., 2011. С. 159.

³⁴ *Batsell W. R.* Soviet rule in Russia. New York, 1929.

задач советской власти³⁵. Несомненный интерес представляют работы А. Инкелеса, Р. А. Бауэра, М. Фэйнсоды³⁶. А. Инкелес сделал вывод, что жизненные условия украинца в советской системе и его реакция на эту систему в первую очередь определены не его национальностью, а статусом советского гражданина и принадлежностью к определенному классу. Р. Салливант отмечал, что украинизация призвана была привлечь на сторону Сталина одну из крупнейших региональных партийных организаций – КП(б)У³⁷.

Следует учитывать, что с середины 1980-х гг., т. е. в период перестройки, а затем распада Советского Союза, национальная проблематика оказалась весьма востребованной, в связи с чем все больше ученых сосредотачивалось на украинской проблематике. В 1988 г. О. Субтельный, канадский историк украинского происхождения, издал свою известную книгу «Украина. История»³⁸, которая уже в 1991 г. была опубликована на украинском языке, а затем неоднократно переиздавалась на Украине. По оценке А. В. Портнова, «написанная как синтез украинских схем национальной истории и новейших идей западной историографии, книга Субтельного стала настоящим бестселлером»³⁹.

В 1996 г. вышла еще одна, не менее известная «История Украины», автором которой является канадский историк с русинскими корнями П. Р. Магочи⁴⁰. Эта работа, как и монография по истории Подкарпатской Руси⁴¹, были переизданы затем на украинском языке. Профессор Гарвардского университета С. Плохий называет «Историю Украины» Магочи «первой серьезной попыткой написать территориальную, многоэтническую и мультикультурную историю Украины», причем считает ее альтернативой более традиционного нарратива Ореста Субтельного⁴².

Украинская проблематика в последние годы становится все более популярной. Так, в 2015 г. в Праге была издана «История Украины», написанная Я. Рыхликом, Б. Зилинским и П. Р. Магочи⁴³. Стоит упомянуть также труды Дж. Мейса, в которых рассмотрена проблема формирования «национал-коммунизма», подчеркнута большая роль последнего в проведении украинизации⁴⁴, а также работу Дж. Либера, посвященную проблеме модернизации и урбанизации в УССР. В этой связи Либер подчеркивал смещение фокуса украинской идентичности из сельской местности в город⁴⁵. Р. Кайзер отмечает значение установления границ Украинской ССР, поскольку «территориализация» украинского государства способствовала росту национального самосознания украинцев⁴⁶. Р. Г. Суни считает национальный вопрос относительно самостоятельной, но неотъемлемой частью проблем советского государства, он утверждает, что коренизация без НЭПа была так же невозможна, как НЭП без коренизации. СССР в его представлении одновременно и устранял политический суверенитет национальностей,

³⁵ *Deutscher I.* Stalin: A Political Biography. London, 1949; *Carr E. H.* A History of Soviet Russia. Vol. 1: The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1950; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1954.

³⁶ *Fainsod M.* How Russia is Ruled. Cambridge, 1953; *Inkeles A., Bauer R. A.* The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge; London, 1959.

³⁷ *Sullivant R.* Soviet Politics and the Ukraine 1917–1957. New York, 1962.

³⁸ *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988.

³⁹ *Портнов А. В.* Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 4 (36). С. 86.

⁴⁰ *Magocsi P. R.* A History of Ukraine. Toronto, 1996.

⁴¹ *Magocsi P. R.* The Shaping of A National Identity: Subcarpathian Rus', 1848–1948. London; Cambridge, 1978; *Магочій П.-Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994; *Магочій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012.

⁴² *Плохий С. М.* Якої історії потребує сучасна Україна? // Український історичний журнал. 2013. № 3. С. 7.

⁴³ *Rychlík J., Zilinskyj B., Magocsi P.-R.* Dějiny Ukrajiny. Praha, 2015.

⁴⁴ *Mace J. E.* Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine 1918–1933. Cambridge, 1983.

⁴⁵ *Liber G.* Soviet nationality policy, urban growth and identity change in the Ukrainian SSR 1923–1934. Cambridge, 1992.

⁴⁶ *Kaiser R. J.* The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. New York, 1994.

и гарантировал им территориальную идентичность, учреждения образования и культуры на родном языке и продвижение коренных кадров к властным позициям⁴⁷. М. Малиа оценивает коренизацию как имплантацию советских институтов в нерусские культуры⁴⁸. Американский ученый украинского происхождения Р. Шпорлюк подчеркивает, что интернационалистская национальная политика сделала коммунизм и советскую форму правления более восприимчивыми для нерусских территорий, позволила советской власти достичь взаимопонимания с крестьянством и национальной интеллигенцией⁴⁹. Д. Л. Бранденбергер рассматривает изменения в партийной идеологии во второй половине 1930-х гг., анализирует развитие идеологии «национал-большевизма» вплоть до середины 1950-х гг., ее внедрение в массовое сознание через образовательные и культурные учреждения⁵⁰. Канадский историк с украинскими корнями С. Екельчик посвятил свою монографию интерпретации прошлого в украинской науке и культуре сталинского времени, автор анализирует изменения в официальной политике памяти в 1930-е гг.: как в политических выступлениях, научных трудах, романах, пьесах, операх, картинах, памятниках и праздниках было представлено прошлое украинцев и как изображались русско-украинские отношения⁵¹.

Большое внимание научного сообщества привлек труд Т. Мартина. Американский ученый обращает внимание на определенную преемственность СССР и развалившейся Российской империи, подчеркивает систематичность нациестроительства большевиков. В отношении формы национального устройства Советского Союза этот автор предлагает использовать термин «империя позитивного действия». Ученый убедительно доказывает, что советская политика носила активный характер, поддерживая создание и развитие национальных территорий, элит, языков и культурных учреждений⁵².

Американский исследователь Т. Снайдер посвятил одну из своих книг Г. Юзевскому⁵³. «Волынский эксперимент» этот автор анализирует с точки зрения межвоенного польско-советского противостояния: обе стороны стремились использовать украинский вопрос, считая его слабым местом противника, причем политика Юзевского в определенной степени копировала советскую украинизацию.

В современной польской историографии следует отметить труды, посвященные политике воеводы Г. Юзевского на Волыни. «Волынский эксперимент» обычно трактуется как пример «польско-украинского понимания»⁵⁴. А. Хойновский рассматривает деятельность волынского воеводы как попытку реализации в новых исторических условиях федеративной концепции Пилсудского⁵⁵. Е. Томашевский проанализировал межнациональные отношения в межвоенной

⁴⁷ *Suny R. G. The Soviet Experiment: Russia, the USSR and Successor States. New York, 1998; Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.*

⁴⁸ *Malia M. The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1996.*

⁴⁹ *Шпорлюк Р. Імперія та нації (з історичного досвіду України, Росії, Польщі та Білорусі). Київ, 2000.*

⁵⁰ *Brandenberger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, 2002; Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.*

⁵¹ *Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004; Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008.*

⁵² *Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union. 1923–1939. Ithaca and London, 2001; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.*

⁵³ *Snyder T. Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005; Snyder T. Tajna wojna. Henryk Józewski i polsko-sowiecka rozgrywka o Ukrainę. Kraków, 2008. См. также рецензию на книгу Т. Снайдера: Борисёнок Ю. Романтик с Андреевского спуска // Родина. 2009. № 5. С. 47–50.*

⁵⁴ *Chojnowski A. Ukraina. Warszawa, 1997; Olszański T. A. Historia Ukrainy XX w. Warszawa, 1995. S. 145; Paruch W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej: mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowski (1926–1939). Lublin, 1997. S. 202–203.*

⁵⁵ *Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939. Wrocław, 1979.*

Польше⁵⁶. Р. Тожецкий, изучив национальную политику «санационных правительств», отметил, что «волинская программа» Г. Юзевского была результатом поисков путей решения украинской проблемы в Польше⁵⁷. Историк из Белостока Е. Миронович, рассматривая национальные аспекты польской политики (по словам исследователя, они относились к числу наиболее трудных в межвоенный период), подчеркивает различие политических методов, применяемых в Галиции и Волыни. Юзевский, по словам Мироновича, был убежден в возможности строительства на территории Волыни реального польско-украинского союза, который мог быть достигнут при помощи украинских организаций пропольской ориентации⁵⁸.

Политику польских правительств относительно украинского населения Волыни в 1920-1930-х гг. освещают труды В. Менджецкого и Я. Кенсика⁵⁹. Менджецкий считает, что для Юзевского украинцы были отдельным народом, который имел право культивировать собственную культуру и язык, поэтому решение украинской проблемы он усматривал в участии поляков в процессе формирования украинской нации: миссия обеих наций заключалась в общем противостоянии смертельному врагу – имперской России – в духе соглашения Пилсудского – Петлюры 1920 г.⁶⁰

От украинцев, проживавших в Польше, требовались лояльность и признание прав Польши на Восточную Галицию и Западную Волынь. В этом случае администрация Юзевского готова была поддерживать украинские общественные, культурные, хозяйственные и даже политические инициативы⁶¹. При этом проукраинские симпатии волинского воеводы наталкивались на противодействие местного польского общества, в частности, римско-католического клира Волыни, для которых Волынь была не «польско-украинской», а польской территорией, а украинцы – внутренним врагом⁶².

Я. Кенсик написал политическую биографию Г. Юзевского. В своей концепции Юзевский, как считает польский исследователь, пытался соединить принципы политики государственной ассимиляции с идеологией 1920 г. и федеративно-прометеевской программой⁶³. Т. Голувко и Г. Юзевский рассматривали проблему создания «украинского Пьемонта на Волыни» сквозь призму реализации восточной политики Польши⁶⁴.

П. Ставеский опубликовал ряд неизвестных ранее документов о национальной политике Юзевского на Волыни⁶⁵. З. Запоровский проанализировал процесс возникновения, организационную структуру и идеологию Волинского украинского объединения (ВУО), его культурно-образовательную, хозяйственную и парламентскую деятельность. Польский исследователь настаивает, что ВУО было национальной, центристской и региональной украинской партией, которая «реализовала позитивную программу, полезную как для государства, так и для своего общества»⁶⁶.

Многие постулаты из работ зарубежных исследователей, в первую очередь представителей диаспоры, были восприняты современными украинскими учеными. Большое внимание

⁵⁶ Tomaszewski J. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939. Warszawa, 1985.

⁵⁷ Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1929. Kraków, 1989.

⁵⁸ Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. Białystok, 2007. S. 152.

⁵⁹ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie. 1921–1939. Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. Wrocław, 1988; Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. Wrocław, 1995.

⁶⁰ Mędrzecki W. Województwo Wołyńskie 1921–1939: Elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych. S. 147–148.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Mędrzecki W. Inteligencja polska na Wołyniu w okresie międzywojennym. Warszawa, 2005. S. 212–213.

⁶³ Kęsik J. Zaufany Komendanta. Biografia polityczna Jana Henryka Józewskiego 1892–1981. S. 89.

⁶⁴ Ibid. S. 90.

⁶⁵ Staweski P. Polityka wołyńska Henryka Józewskiego w świetle nieznanych źródeł z lat 1935–1936 // Przegląd Wschodni. 1997. T. 4. Z. 1 (13). S. 179–209.

⁶⁶ Zaporowski Z. Wołyńskie Zjednoczenie Ukraińskie. Lublin, 2000. S. 109, 157.

они уделяют политике УНР, Украинской Державы гетмана Скоропадского⁶⁷, отмечая украинизационные усилия правительств этих государственных образований, особенно в области образования и культуры. Существенное внимание уделяется и истории Карпатской Украины 1938–1939 гг.⁶⁸ Украинские ученые доказывают, что правительство А. Волошина с октября 1938 г. до середины марта 1939 г. проводило большую украинизационную работу, причем немалые усилия, предпринимавшиеся по украинизации государственного аппарата и учебных, культурных учреждений, фактически были превышением правительственных полномочий. Как отмечает В. Лемак, правительственное распоряжение от 25 ноября 1938 г. о внедрении в Подкарпатской Руси государственного украинского языка и распоряжение от 30 декабря об употреблении названия края «Карпатская Украина» противоречили «Конституционному закону об автономии Подкарпатской Руси» от 22 ноября 1938 г., согласно которому название территории, официальный язык и язык обучения должен был установить Сейм Подкарпатской Руси⁶⁹. Исследователи указывают, что распоряжения правительства активно претворялись в жизнь и часто выступали даже источником противостояния между чехами и украинцами.

Современные украинские историки активно занимаются проблематикой, касающейся польско-украинских взаимоотношений. При этом польская политика нередко расценивается как политика угнетения украинского народа, а основной акцент делается на борьбе украинцев за свое освобождение. Основное внимание украинских исследователей приковано к Восточной Галиции, тем не менее волынская проблематика затрагивается в работах, посвященных положению украинских земель в Польше и украинскому национальному движению в межвоенный период⁷⁰.

Украинские историки приступили и к изучению «волынского эксперимента» Юзефского. Этим направлением активно занимается Ю. В. Крамар⁷¹. Украинский историк воспринимает политику Г. Юзефского как попытку решения украинского вопроса в Польше. Главной целью

⁶⁷ Об историографии этой проблемы см.: *Великощий В. С.* Українська історіографія суспільно-політичних процесів у Галичині 1914–1919 рр. Івано-Франківськ, 2009; *Капелюшний В. П.* Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.). Київ, 2003; *Радченко Л. О.* Сучасна історіографія національно-демократичної революції в Україні 1917–1920 років. Харків, 1996; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: Концепція та історіографія. Київ, 1997; *Солдатенко В. Ф.* Українська революція: концепція та історіографія (1918–1920 рр.). Київ, 1999; *Українська революція і державність (1917–1920 рр.): наук. бібліогр. вид.* Київ, 2001.

⁶⁸ Нариси історії Закарпаття / Ред. Гранчак І., Болдижар М. Т. II: 1918–1945. Ужгород, 1995; *Веґеш М. М.* Карпатська Україна. Документи і факти. Ужгород, 2004; *Веґеш М., Задорожний В.* Велич і трагедія Карпатської України: історико-популярний нарис. Ужгород, 1993; *Веґеш М., Гиря В., Король І.* Угорська іредента на Закарпатті між двома світовими війнами (1918–1939 рр.). Ужгород, 1998; *Болдижар М., Болдижар С.* Державність на Закарпатті: події, факти, оцінки. Ужгород, 2003; *Закарпаття в етнополітичному вимірі.* Київ, 2008; *Закарпаття 1919–1920 років: історія, політика, культура.* Ужгород, 2010; и др.

⁶⁹ *Лемак В.* Карпатська Україна 1938–1939 років: державно-правовий аспект. Ужгород, 1993. С. 29–31.

⁷⁰ См.: *Історія Волині. XX – початок ХХІ ст.: краєзнавчий бібліографічний покажчик.* Луцьк, 2011.

⁷¹ *Крамар Ю. В.* Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки): Дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Луцьк, 1998; *Его же.* Національні меншини в політиці воєводської адміністрації Г. Юзефського на Волині: (1928–1938 рр.) // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 2000. № 1: Іст. науки. С. 83–88; *Его же.* Освітня політика воєводської адміністрації Г. Юзефського на Волині // Зб. навч.-метод. матеріалів і наук. ст. іст. ф-ту Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки. Вип. 5. Луцьк, 2000. С. 97–102; *Его же.* Політика польської адміністрації щодо національних меншин на Волині у міжвоєнний період // Друга світова війна і доля народів України: матеріали 2-ї Всеукр. наук. конф. Київ, 2007. С. 332–342; *Его же.* Проблема неонуні на Волині у міжвоєнний період // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 1998. № 1: Іст. науки. С. 68–73; *Его же.* Реалізація земельної реформи у Волинському воєводстві адміністрацією Г. Юзефського (1928–1938) // Минуле і сучасне Волині. Олександр Цинкаловський і край: матеріали ІХ наук. іст.-краєзн. міжнар. конф. Луцьк, 1998. С. 253–257; *Его же.* Рух за українізацію православної церкви на Волині у міжвоєнний період // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Л. Українки. 2002. № 3. С. 126–132; *Его же.* Українське початкове шкільництво на Волині у 1921–1926 роках // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. Луцьк, 1997. № 3: Історія. С. 43–46; *Его же.* Участь українських політичних партій у парламентських виборах 1930 року на Волині // Науковий вісник Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. 2007. № 1: Іст. науки. С. 198–204; *Его же.* Політика воєводи Г. Юзефського стосовно української кооперації на Волині у міжвоєнний період // Український селянин: зб. наук. пр. Вип. 8 Спеціальний: Матеріали V Всеукраїнського симпозиуму з проблем аграрної історії. Черкаси, 2004. С. 240–244; *Его же.* Українсько-польські взаємовідносини на Волині у міжвоєнний період (за документами Державного архіву Волинської області) // Архіви України. 2013. № 3. С. 115–126.

политики, по мнению исследователя, была интеграция воеводства в состав II Речи Посполитой, а суть «волинского эксперимента» заключалась в том, чтобы «выработать у украинцев чувство принадлежности к польскому государству путем их политической ассимиляции», изменить характер польско-украинских отношений на Волыни, добиться сотрудничества представителей обоих народов в политической, экономической и культурно-образовательной жизни⁷².

М. Кучерепа и Р. Давидюк исследовали историю ВУО⁷³. Рассматривая объединение как политическую базу Г. Юзевского, историки подчеркивают, что эта организация, будучи элементом «волинской программы», способствовала нарушению единства украинского национального движения. Однако в то же время ВУО оценивается как партия центристского направления, которая представляла новое направление национально-конструктивной работы, легальной борьбы за свои права⁷⁴.

Проблемам становления украинской элиты на Западной Волыни посвящена монография И. Скакальской⁷⁵. Подчеркивая ассимиляционный характер политики польского правительства, автор значительное внимание уделяет освещению методов, использовавшихся властью для полонизации края, в том числе мерам репрессивного характера в отношении украинских общественных и политических деятелей. Историк подчеркивает, что политическая элита Волыни не была однородной. Автор выделяет националистический лагерь, целью которого было завоевание независимости, соглашательский, настроенный на сотрудничество с польскими властями, и, наконец, среди волинской элиты были и те, кто ориентировались на внешние силы (например, коммунисты). Подобный раскол, по мнению Скакальской, ослаблял позиции украинской элиты в обществе⁷⁶.

Украинские историки рассматривают программу Юзевского не только в дихотомии национальной или государственной ассимиляции. Так, Я. Грицак прямо указывает, что «Пилсудский брался противопоставить советской украинизации украинизацию польскую. Волинский эксперимент должен был убедить украинцев из СССР, что Варшава заботится об украинцах больше, чем Москва»⁷⁷. В своей рецензии на книгу Т. Снайдера Грицак предлагает рассматривать «волинский эксперимент» с точки зрения политической модернизации Восточной Европы: «После распада Российской и Австро-Венгерской империй модернность тут выступала в форме двух моделей: коммунистической и националистической. В целом эти модели враждовали, но время от времени творили странные гибриды – такие как СССР или послевоенная Польская Народная Республика. „Волинский эксперимент“ предлагал третью модель: либеральную. Соответственно, Юзевский пытался строить на Волыни не бесклассовое общество (как этого хотели коммунисты), не интегральную нацию (как этого хотели националисты), а мультикультурное сообщество, в котором этнические, языковые, религиозные и другие различия не стирались бы, а к ним проявляли бы толерантность или даже поддерживали»⁷⁸.

Однако больше всего работ посвящено изучению национально-культурных процессов в УССР в 1920-1930-е гг. Было опубликовано множество статей, появились монографии и разделы в общих трудах, в которых украинские исследователи анализировали причины украини-

⁷² Крамар Ю. В. Політика державної асиміляції на Волині (1928–1938 роки). Автореф. дисс... канд. іст. наук: 07.00.02. Львів, 1998. С. 16.

⁷³ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). Луцьк, 2001; Давидюк Р. Розмежування Західної Волині та Східної Галичини як складова «волинського експерименту» Генрика Юзевського // Сучасна українська держава: історичні імперативи становлення, тенденції та проблеми розвитку. Київ, 2006. С. 498–509.

⁷⁴ Кучерепа М., Давидюк Р. ВУО: Волинське українське об'єднання: (1931–1939 рр.). С. 26–38.

⁷⁵ Скакальська І. Б. Політико-соціальні виміри та етнокультурні трансформації української еліти Західної Волині 1921–1939 рр. Тернопіль, 2013.

⁷⁶ Skakalska I., Shvalyuk I. Национальная элита Западной Волыни межвоенного периода XX века: источники формирования // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego. 2013. № 27. S. 614.

⁷⁷ Грицак Я. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. Есеї. Київ, 2011. С. 203.

⁷⁸ Там же. С. 201–202.

зации, ее цели, формы, последствия, обращали внимание на процессы украинизации в области просвещения и культуры. Увидели свет монографии, в которых речь шла о роли интеллигенции в национально-культурном строительстве⁷⁹, формировании и функционировании партийной и советской номенклатуры⁸⁰, социоэкономических и социокультурных процессах в контексте национальной политики⁸¹, изменениях в национально-культурной политике в 1930-е гг.⁸² Украинизация рассматривается и в рамках всей республики⁸³, и в рамках отдельных ее регионов⁸⁴, и в политических портретах деятелей этого периода⁸⁵. В 2003 г. появилось обобщающее коллективное исследование (авторский коллектив – В. М. Даниленко, Я. В. Верменич, П. М. Бондарчук, Л. В. Гриневич, О. А. Ковальчук, В. В. Масненко, В. М. Чумак) «„Украинизация“ 1920-30-х годов: предпосылки, приобретения, уроки», где весьма подробно рассматривается политика украинизации в различных областях жизни – партийных и государственных органах, системе просвещения, науки, периодических изданиях, армии и др.⁸⁶

В украинской историографии советская украинизация трактуется как политика, направленная на укрепление советского строя в условиях активизации национальных процессов в республике. При этом украинизация для большевиков была лишь временной уступкой, средством укрепления власти на Украине.

Немало внимания современные украинские историки уделяют и событиям 1939 г. на Западной Украине. Одной из первых попыток показать все сложности процесса ее интеграции в советскую систему сделали А. С. Рублев и Ю. А. Черченко⁸⁷. Обобщающей работой, в которой рассматриваются события 1939 г., является монография М. Р. Литвина, А. И. Луцкого, К. Е. Науменко⁸⁸. Как утверждают авторы, форсированная интеграция Западной Украины в систему «казарменного социализма» сопровождалась репрессиями, нарушениями закона и прав человека, социальными, экономическими деформациями⁸⁹. Поэтому, как считают украинские ученые, присоединение Западной Украины сыграло двойственную роль. Как пишет Н. Ю. Чоповский, с одной стороны, присоединение объективно отвечало вековым стремлениям украинского народа к независимости и соборности, а с другой – этот акт произошел без участия украинского населения, был следствием сговора Сталина и Гитлера, для которых националь-

⁷⁹ См., напр.: Нариси історії української інтелігенції (перша половина ХХ ст.) / С. І. Білокінь, О. Д. Бойко, Г. С. Брега, інш.; відп. ред. Ю. О. Курносов. У 3 кн. Київ, 1994; Комаренко Т. О., Шитович М. А. Влада і мистецька інтелігенція Радянської України; 20-ті роки ХХ ст. Київ, 1999; Кузьменко М. М. Науково-педагогічна інтелігенція в УСРР 20-30-х років: соціально-професійний статус та освітньо-культурний рівень. Донецьк, 2004; Бачинський Д. В. Українізація 1920-х – початку 30-х років та інтелігенція: навч. посіб. Чернівці, 2009; і др.

⁸⁰ См., напр.: Вигovskyй М. Ю. Номенклатура системи освіти в УСРР 1920-1930-х років: соціальне походження, персональний склад та функції. Київ, 2005; Лозицький В. С. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). Київ, 2005; Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ, 2008; і др.

⁸¹ См., напр.: Новохатько Л. М. Національний аспект доктрини «соціалістичної реконструкції»: спроба історико-теоретичного переосмислення. Київ, 1997; Новохатько Л. М. Проблеми соціально-економічного і культурного розвитку України в контексті національної політики (20-30-ті рр. ХХ ст.). Київ, 1998; і др.

⁸² См., напр.: Кручек О. А. Становлення державної політики УСРР у галузі національної культури (1920–1923 рр.). Київ, 1996; Бондарчук П. М. Національно-культурна політика більшовиків в Україні на початку 1920-х років. Київ, 1998; Єфіменко Г. Г. Національно-культурна політика ВКП(б) щодо Радянської України (1932–1938). Київ, 2001; і др.

⁸³ См., напр.: Цвілюк С. А. Українізація України: тернистий шлях національно-культурного відродження доби сталінізму. Одеса, 2004. 200 с. Вид. 2-ге, переробл. й доп. Одеса, 2009.

⁸⁴ См., напр.: Нестеренко В. А. Українізація на Поділлі у 20-30-х роках ХХ сторіччя: основні напрями, наслідки, недоліки та особливості. Вид. 2-ге, доп. та виправл. Кам'янець-Подільський, 2003.

⁸⁵ См., напр.: Мельниченко В. Е. Раковский против Сталина. М., 1991; Мельниченко В. Християн Раковский: невідомі сторінки життя і діяльності. Київ, 1992; Солдатенко В. Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ, 2002; Лозицький В. С. Бунтівник. Життя і смерть Миколи Хвильового: іст.-біогр.-публіцист. нарис. Київ, 2009; і др.

⁸⁶ «Українізація» 1920-30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003.

⁸⁷ Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20-50-і рр. ХХ ст. Київ, 1994.

⁸⁸ Литвин М. Р., Луцький О. І., Науменко К. Є. 1939. Західні землі України. Львів, 1999.

⁸⁹ Там же. С. 144.

ные интересы украинского народа служили только прикрытием их политических расчетов⁹⁰. П. П. Брицкий же утверждает, что, несмотря на злодеяния сталинского режима, сам факт объединения украинских земель заслуживает позитивной оценки⁹¹. Вообще проблеме депортации и репрессий в украинской литературе уделяется значительное внимание⁹². Следует отметить, что украинские ученые уделяют большое внимание событиям на западноукраинских землях в 1939–1941 гг., однако они не рассматривают их в русле украинизационной политики большевистского руководства.

Следует заметить, что в современной историографии недостаточно трудов, в которых комплексно рассматривалась бы политика по «украинскому вопросу» как направление политики в области национальных отношений государств с полиэтническим населением в межвоенный период, не соотносятся украинизационные усилия правительств различных государств. До сих пор отсутствуют комплексные исследования политики в отношении украинцев, учитывающие происходящие изменения на восточноевропейском пространстве в целом. Проблема украинской политики рассматривалась в современной исторической науке лишь применительно к отдельным ее аспектам, в основном – к направлениям политики украинизации в УССР, не учитывая при этом общественную жизнь всей страны во всей ее сложности. Сосредоточенность на отдельных явлениях не позволяет оценить украинскую политику в восточноевропейском регионе во всей ее полноте и многогранности, проследить черты сходства и различия между политикой правительств различных государственных образований, например, украинизационными усилиями лидеров Украинской Народной Республики, Западно-Украинской Народной Республики, Украинской Державы, Карпатской Украины и политикой, проводимой в УССР или в Волынском воеводстве Польши.

Кроме того, малоизученными остаются проблемы внешнеполитического влияния на выработку национальной политики того или иного правительства, формирования общественного мнения в отношении политического курса государства, сочетаемости украинизации и интеграционной стратегии государства. В конечном счете изучение указанных аспектов поможет глубже изучить такую актуальную проблему современной науки, как выбор этнополитической стратегии в многонациональном государстве.

⁹⁰ Чоповський М. Ю. Голгофа Західної України (Злочинна діяльність окупаційних режимів проти населення західно-українських земель та його боротьба за волю і незалежність 1920–1953 рр.). Львів, 1996; Чоповський М. Ю. Криваві події на Західній Україні. Національно-визвольна боротьба на західноукраїнських землях в 1920–1953 рр. Львів, 1998.

⁹¹ Брицкий П. П. Україна у Другій світовій війні (1939–1945 рр.). Чернівці, 1995. С. 27.

⁹² См., напр.: Білас І. Г. Репресивно-каральна система в Україні 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2 книгах. Київ, 1994; и др.

Источниковая база

Массивы источников по избранной нами проблематике весьма обширны. В первую очередь это относится к области советской украинизации. Много документов было опубликовано еще в период существования СССР – документы партийных и советских органов власти, а также отдельных государственных деятелей того времени. Прежде всего, это стенограммы партийных съездов, декреты советской власти, сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина и т. п., были изданы также сборники документов по отдельным направлениям партийной политики (как, например, культурное строительство⁹³, образование Союза ССР⁹⁴ и др.) и материалы, относящиеся к области внешней политики⁹⁵. Конечно, опубликованные в советский период документы представляют несомненный интерес для исследователя, но следует признать, что они далеко не в должной степени отражали подлинную картину национального и культурного строительства в межвоенный период. С началом перестройки в Советском Союзе ситуация стала меняться, и с конца 1980-х гг. стали появляться публикации ранее неизвестных исследователю документов. Первоначально интересные материалы были опубликованы в «Известиях ЦК КПСС»⁹⁶, а постепенно, с течением времени стали появляться и самостоятельные сборники документов⁹⁷. Интересные сборники документов увидели свет в издательстве РОССПЭН, среди них стоит отметить публикацию неизвестных ранее широкому кругу читателей архивных материалов, посвященных советской национальной политике⁹⁸, Коминтерну⁹⁹, а также украинскому национализму¹⁰⁰. Активная публикаторская работа ведется и на Украине. Много сборников появилось по национальной политике в УССР¹⁰¹, были изданы документы по истории Буковины¹⁰², Карпатского региона¹⁰³, польско-украинским отношениям¹⁰⁴.

⁹³ См., напр.: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливі рішення Комуністичної партії і Радянського Уряду 1917–1959 рр.: збірник документів у 2 т. Т. 1: 1917 – червень 1941). Київ, 1959.

⁹⁴ См., напр.: Образование Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. М., 1972.

⁹⁵ Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. М., 1955; Документы внешней политики СССР. Т. 1–21. М., 1959–1977; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1–6. М., 1957–1964.

⁹⁶ Так, для нашей темы интерес представляют: Из истории образования СССР: документы и материалы о работе комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик» к Пленуму ЦК партии (6 октября 1922 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191–219; «Ильич был тысячу раз прав» (Из переписки членов Политбюро ЦК РКП(б) в июле-августе 1923 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 192–207.

⁹⁷ Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992; Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999; И. В. Сталин и Л. М. Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001; «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 10 т. Т. 1–9. М., 2001–2013; Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929 гг.: в 5 т. М., 2000; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002; Историю – в школу: создание первых советских учебников. М., 2008; На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.

⁹⁸ Политическое руководство Украины 1938–1989: сборник документов. М, 2006; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос: сб. док. в 2 тт. Т. 1: 1918–1933. М, 2005; Т. 2: 1933–1945. М., 2009.

⁹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: сб. док. М., 2004.

¹⁰⁰ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: сборник документов. В 2 тт. М., 2012.

¹⁰¹ Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. У 2 ч. Київ, 1997; Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду. Документи і матеріали. Київ, 2005; Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. Київ, 2012; Культурне життя в Україні: західні землі. Документи і матеріали. Т. 1. 1939–1953. Київ, 1995; Історія Національної академії наук України (1934–1937): документи і матеріали. Київ, 2003; Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Київ, 1992; Українська Центральна Рада: Документи і матеріали. У 2 т. Київ, 1997; Західно-Українська Народна Республіка. 1918–1923. Документи і матеріали: у 5 т., 8 кн. Івано-Франківськ, 2001–2013; Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Док. і матеріали. У 2 т. Київ, 2006. Однако самое большое количество сборников посвящено голоду 1932–1933 гг. Среди публикаций стоит выделить: Голодомор 1932–1933 років в Україні. Документи і матеріали. Київ, 2007. Стоит заметить, что украин-

В настоящее время существует также большой массив неопубликованных архивных материалов, не привлекавшийся ранее к исследованию. Прежде всего, это материалы руководящих органов ЦК КП(б)У, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины, в Центральном государственном архиве высших органов власти Украины, а также в российских архивах – в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, в Российском государственном военном архиве.

Документы официальных органов власти дополняют статьи политических лидеров, опубликованные в газетах, журналах и отдельными изданиями, материалы периодической печати, а также мемуары и дневники политических и общественных деятелей. Их авторами являются как советские деятели – Л. М. Каганович¹⁰⁵, Е. Б. Бош¹⁰⁶, так и лица, далекие от большевиков: В. И. Вернадский¹⁰⁷, П. П. Скоропадский¹⁰⁸, И. Кедрин¹⁰⁹, В. Шандор¹¹⁰, А. А. Гольденвейзер¹¹¹, А. И. Деникин¹¹², Н. М. Могилянский¹¹³, А. С. Мартынов¹¹⁴, С. А. Ефремов¹¹⁵, Т. М. Кардиналовская¹¹⁶, И. Майстренко¹¹⁷. Привлечение воспоминаний позволяет реконструировать общую картину событий, проследить личностное отношение к украинизации, ее интерпретацию разными по политическим убеждениям лицами.

Использование такого широкого круга источников поможет реконструировать целостную картину политики различных государств отношении украинцев, позволяет выявить механизм принятия решений в области национального строительства, степень конкретного участия центральных и местных органов в этой политике, формы и методы контроля за конкретной работой украинских политических деятелей, роль субъективного фактора в политике. Анализ существующей историографии выявил необходимость раскрытия сущности украинской политики в восточноевропейском регионе, рассмотрения ее на широком общеполитическом фоне, с учетом внутренней и внешней политики государства, особенностей экономического, соци-

ские специалисты традиционно много внимания уделяют этой проблеме, однако они отнюдь не являются монополистами в данной области. В издательстве РОССПЭН вышли две подготовленные российскими специалистами многотомные публикации о положении в советской деревне: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 тт. М., 2000–2012; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939: в 5 тт. М., 1999–2006.

¹⁰² Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток: Матеріали і документи. Чернівці, 2005.

¹⁰³ Тернистий шлях до України: збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр. XX ст.». Ужгород, 2007; Карпатська Україна (1938–1939). Збірник архівних документів і матеріалів. Ужгород, 2009; Український національно-визвольний рух на Прикарпатті в XX столітті. Документи і матеріали. Т. 1. Кн. 1. (1919–1929). Івано-Франківськ, 2012; Т. 1. Кн. 2 (1929–1939). Івано-Франківськ, 2014.

¹⁰⁴ Україна – Польща 1920–1939 рр.: З історії дипломатичних відносин УСРС з Другою Річчю Посполитою: Документи і матеріали. Київ, 2012; Юзевський Г. Замість щоденника // «Роде наш красний...» Волинь у долях країн і людських документах. Т. 2. Луцьк, 1996. С. 195–211.

¹⁰⁵ Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 1996.

¹⁰⁶ Бош Е. Б. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. М., 1925.

¹⁰⁷ Вернадский В. И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994; Вернадский В. И. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11–12. С. 5–44.

¹⁰⁸ Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995.

¹⁰⁹ Кедрин І. Життя – події – люди. Спомини і коментарі. Нью-Йорк, 1976.

¹¹⁰ Шандор В. Спомини. Т. 1: Карпатська Україна 1938–1939. Ужгород, 1995.

¹¹¹ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 7–63.

¹¹² Деникин А. И. Гетманство и Директория на Украине // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 136–185.

¹¹³ Могилянський Н. М. Трагедія України // Революція на Україні по мемуарах білих. М.; Л., 1930. С. 115–135.

¹¹⁴ Мартынов А. С. Мои украинские впечатления и размышления. М.; Пг., 1923.

¹¹⁵ Єфремов С. О. Щоденники. 1923–1929. Київ, 1997.

¹¹⁶ Кардиналовская Т. М. Жизнь тому назад. Воспоминания. СПб., 1996.

¹¹⁷ Майстренко І. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Едмонтон, 1985.

ального и политического развития Восточной Европы в каждый конкретный отрезок времени. Только таким путем возможно преодолеть устоявшиеся стереотипы в оценке украинизации и избежать подмены исторической действительности стандартным набором идеологических клише.

Глава 1

Распад Российской империи и Австро-Венгрии и украинская политика новых национальных государств

§ 1. Накануне глобальных перемен

В начале XX в. земли современной Украины входили в состав двух империй – Российской (территории на левом и правом берегу Днепра и в Причерноморье в составе Юго-Западного края, Малороссии и Новороссии) и Австро-Венгерской (Закарпатье, Восточная Галиция и Северная Буковина). При этом большинство предков современных украинцев проживало в Российской империи, в связи с чем деятелями украинского национального движения эти земли именовали также Большой Украиной. Для обозначения восточнославянского населения определенной территории Российской империи, преимущественно на левом берегу Днепра, в начале XX в. использовалось понятие «малоросс». В официальной трактовке малороссы, наряду с великороссами и белорусами, представляли собой часть триединой русской нации. Подобная идентификация населения юго-запада европейской части Российской империи хотя и поддерживалась большей частью образованного общества, однако не была единственной. Малороссийству как локальной форме общерусской идентичности противопоставлялась идентичность украинская, сторонники которой отрицали общерусскую концепцию и настаивали на самостоятельности украинского – не малороссийского – народа. Между последователями обеих концепций велась активная полемика, на страницах периодических изданий шли ожесточенные споры о языке, литературе, национальном характере, этническом происхождении малороссов/украинцев¹¹⁸. В первой всеобщей переписи населения 1897 г. содержался пункт о родном языке и вероисповедании, именно эти сведения в современной науке используются для выводов об этническом составе населения Российской империи. Данные о малороссах обычно трактуются как характеризующие состав украинского населения Российской империи, дабы соотнести этнические наименования прошлого и настоящего. Итак, согласно переписи 1897 г., на правом и левом берегах Днепра и степной Украине проживали не только украинцы/малороссы (73 %), но и великороссы (12 %), евреи (8 %), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7 %)¹¹⁹. При этом к крестьянскому сословию относилось 93 % всех украинцев/малороссов, тогда как среди городского населения последние составляли всего 30 %¹²⁰. При этом чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15 000 украинцы составляли около 50 % населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17 %¹²¹. Русское население проживало в основном в городах (34 %), где вместе с евреями (27 %) оно составляло большинство населения¹²².

Другой особенностью являлось непропорциональное расселение по регионам Украины (в ее современных границах) представителей различных национальностей. Как правило, украинцы жили в губерниях, в наименьшей степени затронутых индустриализацией и урбанизацией, тогда как половина русского населения проживала в промышленно развитых реги-

¹¹⁸ См. подробнее: Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 122–283.

¹¹⁹ Кравченко Б. Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX ст. Київ, 1997. С. 20.

¹²⁰ Там же. С. 25, 40.

¹²¹ Там же. С. 28.

¹²² Там же. С. 27.

онах (Екатеринославский, Таврический, Херсонский, Харьковский, Киевский)¹²³. Основным слоем, сохранявшим национальную самобытность, было крестьянство. Специалист по национально-социальным проблемам развития украинского общества в XX в. Б. Кравченко даже считает, что до революции и в первые годы после нее определение «украинский» было синонимично определению «крестьянский»¹²⁴. Национальная идея находила поддержку преимущественно среди интеллигенции (имеется в виду та ее часть, которая ощущала себя украинской, ведь на Украине интеллигенция была большей частью русской). Численность украинской интеллигенции оставалась небольшой¹²⁵: Б. Кравченко объясняет это тем, что украинская интеллигенция пополнялась в основном за счет выходцев из крестьян, хотя первое ее поколение в основном сформировалось из рядов мелкого дворянства. Преобладание мелкого крестьянства на Украине вкупе с русскоязычной системой образования привело к тому, что «украинская интеллигенция составляла крохотный слой населения»¹²⁶. Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация в России в период Первой мировой войны, а затем революции и войны Гражданской приводили к обострению социальных и национальных проблем. С течением времени «украинская идея» приобретала все большую популярность и использовалась различными политическими силами для достижения собственных целей – в первую очередь создания украинского национального государственного образования. Так, на выборах в местное самоуправление, проведенных на Украине летом 1917 г., позиция украинских партий была еще не очень стабильной. Только в 5 из 20 произвольно выбранных пунктов украинские партии добились перевеса (Миргород, Конотоп, Елисаветград, Ромны, Лохвица) и еще в пяти (Харьков, Полтава, Чернигов, Черкассы, Проскуров) – завоевали треть голосов. В Киеве же украинские партии завоевали только 20 % мандатов, в Екатеринославе – 10 %, в Одессе – 4 %¹²⁷. В то же время в конце ноября – начале декабря 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, украинские социал-демократы и эсеры добились явного перевеса и завоевали 75 % голосов¹²⁸.

До 1917 г. доминирующую роль играло либерально-демократическое крыло интеллигенции, ориентированное в первую очередь на национально-культурную автономию для Украины. Хотя основные политические партии на Украине и выдвигали в качестве перспективы требование национально-территориальной автономии, до 1917 г. они не играли ведущей роли. Только после февральских событий известный украинский ученый и политический деятель, возглавивший Центральную Раду, М. С. Грушевский настаивал на необходимости перехода от культурно-просветительских требований к политическим, т. е. к лозунгу национально-территориальной автономии Украины в составе федеративной России¹²⁹. И только под воздействием бурных событий войны и революций, особенно октябрьской 1917 г., политический расклад существенно изменился. Слабость либерального центра компенсировалась усилением леворадикальных тенденций. Как уже говорилось, в 1917 г. усилились позиции украинских национальных партий, зачастую имевших социалистическую окраску¹³⁰. Так, в Центральной Раде, созданной после Февральской революции, были представлены Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская социал-демократическая рабочая партия и Украинская

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ Там же. С. 40.

¹²⁵ Там же. С. 58.

¹²⁶ Там же. С. 57–58.

¹²⁷ Шевельов Ю. Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 58.

¹²⁸ Рєєнт О. П. У робітнях історичної науки. Київ, 1999. С. 71.

¹²⁹ Історія України. Нове бачення. У 2-х т. Т. 2. Київ, 1996. С. 6.

¹³⁰ Булдаков В. П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 204.

партия социалистов-федералистов¹³¹. В дальнейшем, под воздействием революции и Гражданской войны, эти партии не один раз пережили расколы и преобразования.

Сложившейся ситуацией воспользовались большевики. Общедемократическое требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства», сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., было важным тактическим шагом, в немалой степени определившим успехи во внутривнутриполитической борьбе. В программе партии провозглашалось равноправие граждан независимо от пола, религии, расы и национальности, оговаривалось право получать образование на этом языке, использовать его в собраниях и даже право его введения наряду с государственным во всех учреждениях.

Принцип права наций на самоопределение большевики дополнили положением о самоопределении вплоть до государственного отделения. В работе «О праве наций на самоопределение» Ленин подчеркнул, что «признание права на отделение уменьшает опасность „распада государства“»¹³². Самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному демократическому государству социалистического типа. На совещании ЦК РСДРП с партийными работниками 23 сентября – 1 октября 1913 г. в Поронине близ Кракова еще раз была подтверждена приверженность большевиков принципу права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, поскольку «этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией»¹³³. В то же время в резолюции содержался призыв не смешивать вопрос о праве на самоопределение («т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении») с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. «Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»¹³⁴, – говорилось в резолюции. Очевидно, что, декларируя право наций на самоопределение, Ленин всячески подчеркивал, что «отделение вовсе не наш план». Сразу после прихода к власти большевики подчеркнули неизменность принципов своей национальной политики. На II Всероссийском съезде Советов 25–27 октября 1917 г. было объявлено, что советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»¹³⁵. 12 (25) января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Во 2-м пункте провозглашалось: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик»¹³⁶.

Несколько иная ситуация складывалась на землях с восточнославянским населением, оказавшихся после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. в составе Австрийской монархии. Та часть населения, которая в последующем будет именоваться украинской, проживала в

¹³¹ Рееит О. П. У робітнях історичної науки. С. 34–36.

¹³² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 25. М., 1969. С. 285.

¹³³ «Августовское» («летнее») 1913 г. совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. Резолюция совещания по национальному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Ч. 1. 1898–1924. М., 1954. С. 316.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Второй всероссийский съезд советов рабочих солдатских депутатов 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 г. Ленин В. И. Рабочим солдатам и крестьянам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 11.

¹³⁶ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. С. 221.

трех провинциях в австрийской части монархии – Королевстве Галиции и Лодомерии (Галиция), Буковине – и в Угорской Руси, входившей в состав венгерской части монархии.

Для обозначения местного населения употреблялись различные наименования. В период габсбургского правления на официальном уровне употреблялись понятия «русины» (Russen) или «рутены» (Ruthenen)¹³⁷. В качестве самоназвания употреблялись наименования «русины», «народ русский», «руснаки». Были распространены и наименования по конфессиональному признаку (например, «греко-католики»). Деятели украинского движения настаивали на употреблении наименования «украинско-русский народ», а затем – «украинский народ». Как считают специалисты, «многообразие и противоречивость этнонимов говорит о том, что процесс формирования национального самосознания восточнославянского населения в регионе во второй половине XIX – начале XX вв. был далек от своего завершения»¹³⁸.

В границах Австро-Венгерской монархии удельный вес русинов/украинцев¹³⁹ накануне Первой мировой войны составил 8,5 % (в Венгерском Королевстве – 2,4 %) ¹⁴⁰. Для сравнения: удельный вес малороссийского населения в Российской империи составил к 1917 г. 18,1 % ¹⁴¹. Русины преобладали во всех округах Восточной Галиции, лишь во Львовском они составили к 1910 г. 37,1 % (собственно во Львове в 1910 г. – 19,1 %). На Буковине доля русинов в начале XX в. составила 38,1 % населения, в Закарпатье на землях проживания русинов их доля составила в 1910 г. 15,7 %¹⁴².

При этом следует учитывать, что состав населения этих регионов был разнородным. Здесь проживало не только восточнославянское население, но и поляки, евреи и др. Так, в конце XIX в. в пятидесяти городах и местечках Восточной Галиции поляки составляли 64 %, русины – 23,4 %. В крупных городах с населением свыше 20 тыс. человек поляки составляли 72,5 % населения, русины – 13,6 %. В сельской же местности поляки составляли только 26 %. Значительным было и еврейское население. В Восточной Галиции евреи составляли 12,8 % населения (в Западной Галиции – 7,7 %). В 1900 г. евреи составляли свыше 30 % населения городов Галиции, в Восточной Галиции они составляли почти 40 % промышленных рабочих, 74 % торговцев, 27 % служащих, 49,3 % интеллигенции¹⁴³.

В начале XX в. в Буковине русинское население составляло большинство в северных провинциях. Другую большую по численности группу коренного населения Буковины составляли румыны (34,4 %). Евреи были третьей по численности этнической группой, на рубеже веков они составляли почти 13 % общего числа жителей, а в Черновцах – до 20 %¹⁴⁴. При этом восточнославянское население Галиции и Венгрии было преимущественно греко-католиками, Буковины – православными.

В Закарпатье на землях проживания русинов доля их в 1910 г. составила 15,7 % населения¹⁴⁵. При этом украинское население по роду занятий распределялось по комитатам следующим образом: в Уже (Унге) земледельцы достигали 88,7 % украинского населения, ремеслен-

¹³⁷ В венгерском варианте – «orosz».

¹³⁸ Клопова М. Э. Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточнославянского населения Галиции в XIX – начале XX века. М., 2016. С. 26.

¹³⁹ В историографии восточнославянское население Австро-Венгрии обозначается разными терминами – «русинское», «украинское», «руское»; иногда наименование «украинский» применяется только по отношению к политическим и общественным организациям. Существуют различия и в названии организаций, где встречается слово с корнем «рус»: они именуются или «рускими», или, в соответствии с современными языковыми нормами, «русскими». Учитывая разночтения, удобнее обозначать это население в соответствии с принятым в то время официальным наименованием – русины.

¹⁴⁰ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 291.

¹⁴¹ Там же. С. 285.

¹⁴² Там же. С. 292–293.

¹⁴³ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. Київ, 2012. С. 41–42.

¹⁴⁴ Особливості буковинського пограниччя: історія культурного полілогу. Донецьк, 2010. С. 19.

¹⁴⁵ Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. С. 293.

ники – 4,5 %, купцы – 0,2 %; в Береге – соответственно 88,8 %, 3,9 %, 0,3 %; в Марамороше – 89,2 %, 4,7 %, 0,9 %¹⁴⁶. Таким образом, в целом необходимо подчеркнуть, что восточнославянское население на территории Австро-Венгрии проживало в наименее промышленно развитых районах, основным занятием населения оставалось сельское хозяйство. Исследуя этнические процессы среди украинского населения, известный отечественный специалист В. М. Кабузан выделил территории абсолютного преобладания украинцев («которые могут считаться украинской этнической территорией») – Правобережная Украина, восточная часть Галиции, территория Гетманщины, без северной части Черниговщины¹⁴⁷.

По словам известного канадского ученого П. Р. Магочи, габсбургские правители не отождествляли себя ни с одной национальностью империи, и украинцы могли существовать среди принятой структуры иерархии различных лояльностей, не отказываясь от собственной национальной идентичности: галичанин или буковинец мог быть одновременно украинским национальным патриотом и лояльным подданным Австрийской империи. Поэтому абсолютное большинство украинских лидеров оставалось верными идее Габсбургской империи вплоть до последних месяцев Первой мировой войны¹⁴⁸.

Среди восточнославянского населения этих регионов национальные идеи развивались по двум направлениям: речь шла или об отстаивании своей общности с русским народом (русофилы), или о констатировании своей принадлежности к самостоятельному украинскому народу (украинофилы). Русофилы говорили о едином русском мире, общем русском культурно-историческом пространстве, частью которого являются русские земли Австро-Венгрии. Деятели украинского движения вели речь об украинских землях Австро-Венгрии как части соборной Украины.

В Австро-Венгрии украинское движение получило большее распространение, нежели в Российской империи, власти которой стремились не допустить его развития. Граница же препятствовала объединению украинского движения в Российской и Австрийской империях. Кроме того, большое развитие получили марксистские и социалистические идеи, поэтому часть молодежи, которая в иных условиях могла быть потенциальной силой украинского движения, была вовлечена в российские революционные организации. Большую роль играло и восприятие малороссов как части русского народа, а культурная специфика Малороссии была вполне приемлема в глазах сторонников концепции «большой русской нации», пока, как пишет А. И. Миллер, не входила с этой концепцией в противоречие¹⁴⁹.

В Австро-Венгрии украинское движение особенно активно развивалось в Восточной Галиции, причем к началу Первой мировой войны и в ходе ее оно стало занимать лидирующие позиции в общественно-политической жизни. Здесь действовали украинские политические партии, деятели украинского движения имели опыт парламентской борьбы (в 1913 г. был создан единый Украинский клуб в галицийском Сейме). Кроме того, большое внимание уделялось науке и образованию: здесь работало Научное общество им. Шевченко, во Львовском университете была открыта кафедра украинской истории (1892) и шла борьба за создание украинского университета. Для работы с широкими слоями населения Восточной Галиции были организованы просветительные общества («Просвита» и др.), молодежные («Сокол» и «Сечь»), экономические организации (страховое общество «Днестр», «Краевой кредитный союз» и др.). С началом Первой мировой войны украинское движение получило новый импульс. 1 августа 1914 г. украинские партии Восточной Галиции (национально-демократическая, радикальная и социал-демократическая) основали во Львове межпартийную органи-

¹⁴⁶ Там же. С. 376.

¹⁴⁷ Там же. С. 348.

¹⁴⁸ Магочій П. Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 450.

¹⁴⁹ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41.

зацию – Главный украинский совет (Головну українську раду), который должен был направлять общеукраинские политические акции во время войны. 4 августа Совет одобрил решение о начале формирования легиона украинских сечевых стрельцов¹⁵⁰.

В других регионах Австро-Венгрии украинское национальное движение достигло значительно меньшего размаха, нежели в Восточной Галиции. Однако и там получило развитие национальное движение восточнославянского населения. Так, на Буковине было создано культурное товарищество «Русская беседа» («Руська Бесіда»), активно работали также «Русская школа» («Руська школа») и «Русский народный дом» («Руський народний дім»), политическое товарищество «Русская Рада» («Руська Рада»); были созданы молодежные студенческие организации (например, «Союз», «Молодая Украина» и др.), спортивные организации («Украинский Сокол в Черновцах» и др.), в университете в Черновцах существовали украинские кафедры, а в начале XX в. на Буковине зародились и первые украинские политические партии.

Несомненные успехи украинского движения конца XIX – начала XX вв. не отменяют тот факт, что русофильские идеи также находили своих сторонников. Русофильство имело устойчивые позиции среди русинской интеллигенции и Галиции, и Буковины, и особенно Угорской Руси, в среде которой были популярны идеи о принадлежности русинов к единому русскому племени. В то же время интенсивная мадьяризация, усилившаяся после трансформации в 1867 г. Австрийской империи в Австро-Венгрию, а также усилия венгерских властей по ослаблению русофильских воззрений, приведшие к появлению на рубеже XIX–XX вв. сторонников разработки литературного языка на основе местных диалектов, привели к значительному ослаблению национальных движений среди русинского населения. Такое положение в основном сохранялось вплоть до окончания Первой мировой войны.

Украинское движение к началу Первой мировой войны было представлено политическими силами, по-разному видевшими будущее Украины. В период Первой мировой войны и революции украинское движение радикализировалось, постепенно перейдя от автономистских и федерализационных планов к попыткам установления независимого украинского государства. Следует признать, что одним из лозунгов украинского движения была соборность Украины, т. е. создание государственного организма, который включал бы все этнографические земли как в России, так и в Австро-Венгрии. В то же время украинский вопрос привлекал внимание различных политических сил, не только российских, но и польских, чешских, румынских лидеров, чьи планы построения национальных государств обычно не совпадали с планами украинцев.

В период образования Польского государства выделялись две крупные политические силы, различающиеся разным подходом к проблеме польско-украинских отношений.

Лидером национальных демократов был Роман Дмовский (1864–1939). Он не ограничивался восстановлением польской государственности в ее этнографических границах. «Восточные кресы» он рассматривал как неотъемлемую часть польского государства, поскольку они были «историческим полем нашей национальной экспансии, где польская культура на протяжении нескольких веков достигла больших результатов...»¹⁵¹. Указывая на цивилизационную роль поляков, Дмовский считал, что будущее польское государство «имеет право выйти за пределы польских этнографических пределов в такой мере, чтобы отвечать ценностям исторической Польши и реализовать цивилизационный потенциал большого народа»¹⁵². В своей концепции национальной политики Дмовский исходил из того, что народы «кресов» являются

¹⁵⁰ Рубльов О. С. Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939). Київ, 2004. С. 31.

¹⁵¹ Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. Lwów, 1907. S. 144–145.

¹⁵² Dmowski R. Pisma. T. V. Polityka polska i odbudowanie państwa. Cz. I. Przed wojną. Wojna do r. 1917. Częstochowa, 1937. S. 24–25.

«этнографическим материалом», не способным к самостоятельному политическому существованию, и потому подлежат ассимиляции¹⁵³.

Р. Дмовский не поддерживал идею федеративной Польши. По его мнению, разделение Польши на автономные части нецелесообразно, поскольку федерация, по его мнению – слабость, а не сила¹⁵⁴, а создание сильного государства предполагает его унитарный моноэтнический характер. При этом он отдавал себе отчет в том, что идея возрождения Польши в границах в 1772 г. была практически невыполнимой и географическим нонсенсом¹⁵⁵. План эндеков был инкорпорационным: сторонники Дмовского призывали инкорпорировать такие украинские земли, как Восточная Галиция, Волынь и Подолье, а в последующем – полонизировать их, превратив Польшу в мононациональное государство. Другие украинские земли, по мнению эндеков, должны были отойти к России, в которой они видели противовес немецкому гегемонизму. Эндеки были сторонниками национальной ассимиляции: их идеология была основана на признании жизнеспособности только этнически «чистых» государств. В политической сфере они выступали за создание польского большинства в сейме и чисто польские правительства.

В противоположность идеям Дмовского, сторонники Юзефа Пилсудского (1867–1935) предполагали создать в Восточной Европе большую и сильную Польшу, возродив ее на федеративных началах. План Пилсудского часто именуется федералистским. Как и Дмовский, Пилсудский также рассчитывал включить в состав польского государства часть бывших территорий I Речи Посполитой. Так, Восточную Галицию сторонники Пилсудского считали исконной польской землей и выступали за ее интеграцию в будущее польское государство.

В теоретическом плане, основываясь на идеях своего соратника Леона Василевского (1870–1936), Пилсудский до момента реальной борьбы за границы возрожденной Польши провозглашал возможность создания некоего литовско-белорусского государства, связанного с Польшей федеративными отношениями. На украинских землях, ранее входивших в состав Российской империи, он также теоретически предлагал помочь создать союзное Польше и независимое от России украинское национальное государство. Федеративный проект был направлен против России, которую Пилсудский считал смертельным врагом Польши. Польское государство, по Пилсудскому, является препятствием для великодержавных планов России. Если же дать России овладеть украинскими землями, то следующим ее шагом будет нападение на Польшу. Следовательно, необходимо было парализовать силы России и отгородить от нее Украину. Вопрос восточных рубежей Польши был важнейшим пунктом политической стратегии Пилсудского, который логично предполагал, что если западные рубежи Речи Посполитой определят путем арбитража державы Антанты, то на восточном направлении все решит метод свершившихся фактов для самого сильного игрока¹⁵⁶. Несмотря на то что история приписывает ему авторство федеративной концепции, Пилсудский никогда ее четко не формулировал, подходя к ней, по существу, очень инструментально. В письме к Леону Василевскому он писал: «Знаешь, мои взгляды в этом отношении заключаются в том, что я не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока у меня нет возможности говорить об этих делах с какой-то серьезностью – ну и с револьвером в кармане. В связи с тем, что в божьем мире начинают, по-видимому, побеждать болтовня о братстве людей и народов и американские доктринки, я склоняюсь на сторону федералистов»¹⁵⁷.

¹⁵³ Dmowski R. Myśli nowoczesnego Polaka. S. 95.

¹⁵⁴ Engelgard J. Koncepcje inkorporacyjne Romana Dmowskiego i ruchu narodowo-demokratycznego w latach 1918–1921 // Archiwum Narodowej Demokracji. T. 1. Warszawa, 2013. S. 55–56.

¹⁵⁵ Dmowski R. Pisma. T. III. Dziesięć lat walki. Częstochowa, 1939. S. 5.

¹⁵⁶ См: Baranowski W. Rozmowy z Piłsudskim // Niepodległość. T. XVIII. Z. 1. S. 50–51; Koseski A. Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego // Myśl polityczna Józefa Piłsudskiego. Warszawa, 2007. S. 145.

¹⁵⁷ Piłsudski J. List do Leona Wasilewskiego w sprawach polityki wschodniej / 8 kwietnia 1919, Warszawa // Józef Piłsudski o

Таким образом, планы наиболее влиятельных польских политиков не предполагали ограничить территорию будущей Польши польскими этническими землями, а предусматривали включить в нее и часть бывших областей I Речи Посполитой. Создание крупного единого (соборного) украинского государства противоречило интересам польской политической элиты, так как в этом случае оно бы включало земли со смешанным населением, такие как Восточная Галиция, где наряду с украинцами проживали поляки. На «кресах» в крупных городах украинское население было в явном меньшинстве, а в сельской местности крупными землевладельцами были в основном поляки.

Чешские лидеры в период образования национального государства воспринимали украинскую проблему, как правило, через призму внешнеполитической стратегии или научного интереса к славянской проблематике. Так, Т. Г. Масарик признавал отличие между малороссами и великороссами, национальное и этнографическое единство малороссов и русинов. Он воспринимал украинский вопрос не только как языковой, но как политический и культурный¹⁵⁸, связывая его решение с демократическими преобразованиями России. Масарик подчеркивал, что в вопросе о том, «являются ли украинцы отдельной нацией или только русским племенем, является ли малорусский (украинский) язык отдельным языком или диалектом русского», эксперты не дают однозначного ответа. Он утверждал, что «украинцы даже в том случае, если бы их язык был только диалектом, могут быть отделены от русских по экономическим, социальным и политическим причинам. Политическая независимость не регулируется только языком»¹⁵⁹. В провозглашении Украинской Радой IV Универсала о независимости УНР он видел проявление антироссийской политики немцев и австрийцев.

К независимой Украине первый президент ЧСР относился негативно, поскольку это могло ослабить Россию – главный барьер немецкой экспансии на Востоке Европы. «Мы признали Украину, когда она III Универсалом провозгласила себя государством, но в рамках федеративной России. Это мы могли принять, исходя из чешской и славянской ситуации... Мы признали Украину как часть России и думали, что Украина еще будет воевать. Но в IV Универсале сказано, что войны не будет, что будет мир, и, в частности, с Австро-Венгрией... Лично я не могу признать самостоятельную Украину вне рамок России как правовое и политическое образование. Это решительно противоречит моему мнению. Разбивать Россию, на мой взгляд, – это просто работать на Пруссию»¹⁶⁰, – считал Масарик.

К Восточной Галиции у чехословацкого руководства после образования независимого государства было особое отношение. Чехословакия не признавала притязаний Польши на Восточную Галицию и даже рассматривала проект образования западноукраинского государства; впрочем, он так и не осуществился¹⁶¹.

У чешских политиков первоначально не было однозначного мнения о включении в состав будущего государства территории карпатских русинов. Так, в 1914 г. Т. Г. Масарик писал: «Включение в пределы Чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного, языка официальным наравне с чешским, немецким и польским языками»¹⁶². В то же время, в 1915 г. об этом не шла речь ни в Конституции Славянской империи

państwo i armii. W 2 t. T. 1: Wybór pism. Warszawa, 1985. S. 87.

¹⁵⁸ См.: *Віднянський С. В.* Т. Масарик про Україну і українців // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. Вип. 4. Київ, 1993. С. 132–147.

¹⁵⁹ *Masaryk T. G.* Nová Evropa: stanovisko slovanské. Praha, 1920. S. 139–140.

¹⁶⁰ *Masaryk T. G.* Slovanské problémy. Praha, 1928. S. 91–92.

¹⁶¹ *Бетлій О.* Украина 1919–1923: пражский проект // Европа: журнал Польского института международных дел. Т. 6. 2006. № 2. С. 120.

¹⁶² Цит. по: *Сератионова Е. П.* Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР // Историк-славист: призвание и профессия. К юбилею В. В. Марьиной. М., 2013. С. 31.

К. Крамаржа, ни в меморандумах Масарика. Представленная в марте 1915 г. в Женеве карта будущего чехословацкого государства включала только небольшую часть будущей Подкарпатской Руси¹⁶³. Впрочем, планы изменились в 1918 г. на фоне дестабилизации положения в России и интенсивной деятельности дипломатов по разработке планов послевоенного устройства Европы.

Интерес к украинской проблеме проявили румынские политические деятели, радикально настроенная часть которых выдвинула идею «Большой Румынии», предусматривавшую присоединение значительного количества смежных земель за счет внешнеполитических маневров. Эта концепция основывалась на государственном централизме, контроле над общественностью, борьбе с любыми проявлениями сепаратизма. Вопросы «восточной политики» Румынии разрабатывались И. Нистором. В его трудах обосновывалось «историческое право» Румынии на Покутье, Бессарабию и всю Буковину, сформулированные претензии на Транснистрию¹⁶⁴.

¹⁶³ *Магочій П. Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород, 1994. С. 62–63; *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 109.

¹⁶⁴ *Nistor I.* Die moldauische Ansprüche auf Pokutien: Mit einer Kartenskizze. Wien, 1910; *Nistor I.* România Și Rutenii În Bucovina: Studiu istoric Și Statistic. București, 1915; *Nistor I.* Der nationale Kampf in der Bukowina: Mit besonderer Berücksichtigung der Rumänen und Ruthenen historisch beleuchtet. Bukarest, 1918.

§ 2. Мечты и реальность: создание украинских государств на территории бывшей Российской империи

На украинских землях бывшей Российской империи в 1917–1920 гг. власть менялась неоднократно. 7 (20) ноября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование Украинской Народной Республики в федеративном союзе с Россией. Однако отношения между Центральной Радой и большевиками были далеки от идеала. В записке по прямому проводу Н. В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. Ленин и Л. Д. Троцкий подчеркивали: «Мы считаем, что... Рада явно и решительно встала на сторону кадетско-корниловской и калединской контрреволюции. Мы за советскую власть в независимой республике Украинской, но не за контрреволюционную калединскую Раду»¹⁶⁵. Совет народных комиссаров в своем манифесте от 3 (16) декабря 1917 г., с одной стороны, признавал УНР и ее право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой, но с другой – обвинял Центральную Раду в двусмысленной буржуазной политике в отношении Советов и советской власти (отказ созвать краевой съезд украинских Советов, дезорганизация фронта, разоружение советских войск на Украине и т. п.) «Мы обвиняем Раду в том, – говорится в документе, – что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине...»¹⁶⁶. Очевидно, что признание права украинского народа на национальную независимость увязывалось с советским характером государственного образования. Совнарком не желал признавать Центральную Раду, поскольку та не была избрана Всеукраинским съездом Советов. 11–12 декабря в Харькове был созван Первый Всеукраинский съезд Советов, в резолюции которого значилось: «...I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую Республику как федеративную часть Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной Рады, раскрывая ее буржуазный, контрреволюционный характер. Съезд будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за устранение всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за Украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России»¹⁶⁷.

На съезде украинские большевики объявили о переходе власти в их руки. Поскольку Центральная Рада не была согласна с таким решением, противостояние вскоре приняло вооруженные формы. Подчиненные большевикам войска начали наступление и к середине января (ст. ст.) 1918 г. захватили власть почти на всей Правобережной Украине.

Однако удержать власть на Украине большевикам оказалось очень трудно. Центральная Рада провозгласила 11 (24) января 1918 г. независимость УНР¹⁶⁸. Переговоры о мире со странами Четверного союза, начавшиеся в декабре 1917 г., придавали борьбе за власть на Украине

¹⁶⁵ Ленин В. И. Записка по прямому проводу Н. В. Крыленко 24 ноября (7 декабря) 1917 г. // Ленин В. И. Известные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 222.

¹⁶⁶ Ленин В. И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 35. М., 1974. С. 144.

¹⁶⁷ Резолюция I Всеукраинского съезда советов «О самоопределении Украины» // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936. Сб. документов. Т. II. М., 1960. С. 16–17.

¹⁶⁸ Одновременно накануне принятия IV Универсала 9 января УНР приняла закон о национальной персональной автономии, по которому национальные меньшинства (великороссы, поляки, евреи) имели право на «самостоятельное устройство своей национальной жизни, которое осуществляется через органы Национального союза, власть которого распространяется на всех его членов, независимо от места их проживания в границах Украинской Народной Республики». – Закон Центральной Рады про національно-персональну автономію 9 січня 1918 р. // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. Київ, 1997. С. 99–100.

особую остроту: большевики, стремясь не допустить подписания договора с правительством УНР, пытались овладеть Киевом. Советские войска под командованием левого эсера М. А. Муравьева 26 января (8 февраля) 1918 г. вступили в Киев, официально сообщив о ликвидации последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями в 10 часов вечера. Большевики рассчитывали на то, что если немцы и заключат «фиктивный договор с мертвецами», то «шила в мешке не утаишь». Однако договор Четверного союза с Украинской Народной Республикой все же был заключен буквально в ночь на 27 января (9 февраля)¹⁶⁹. Германские войска восстановили власть Центральной Рады на Украине.

Советская Россия была вынуждена подписать 3 марта в Брест-Литовске мирный договор с союзниками (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). В соответствии с условиями Брестского мира большевики признали независимость УНР, хотя и считали это мерой вынужденной, а существование независимой Украины – лишь результатом внешнеполитических обстоятельств, лишенным каких-либо внутренних обоснований. Украина была занята германскими и австро-венгерскими войсками. В конце апреля 1918 г. к власти на Украине пришел бывший генерал-лейтенант русской армии П. П. Скоропадский, провозглашенный гетманом Украинской Державы¹⁷⁰.

В такой непростой социально-политической ситуации политика по внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь, поддержка украинской культуры в Украинской Народной Республике и Украинской Державе, проводившаяся различными ее правительствами и являвшаяся знаком обретения независимости, приковывала к себе пристальное внимание со стороны различных общественных и политических сил. Такая политика именовалась «украинизацией», восприняв, таким образом, термин, впервые введенный в оборот М. С. Грушевским¹⁷¹.

Особое значение правительства УНР и Украинской Державы придавали статусу украинского языка, который должен был стать языком законодательства, администрации, армии. Основные усилия «незалежных» властей были направлены на введение украинского языка в систему образования (на всех уровнях – от начального до высшего), в издательский процесс (издание газет, журналов, книг, особенно учебной литературы и т. п.), развитие украинского театрального и музыкального искусства, музейного дела и т. п.

Так, уже вскоре после Февральской революции, 18 марта 1917 г., была открыта первая украинская гимназия им. Т. Г. Шевченко в Киеве, которая финансировалась за счет средств украинских деятелей и обществ. Если участники всеукраинских учительских съездов, которые прошли в апреле и августе 1917 г., принимали решения об украинизации школьного образования, то учительские съезды губернского и уездного уровня были далеко не так категоричны, и сторонники украинизации часто оказывались в меньшинстве¹⁷². Министерство народного

¹⁶⁹ Михутина И. В. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством украинской Центральной рады. М., 2007. С. 229–230.

¹⁷⁰ По принятому Центральной Радой закону, «гражданином Украинской Народной Республики считать каждого, кто родился на территории Украины и связан с ней постоянным проживанием и на этой основе выберет себе подтверждение своей принадлежности к гражданам Украинской Народной Республики». – Протоколи засідань Малої Ради 1–2 березня 1918 р. м. Житомир // Українська Центральна Рада: документи і матеріали: У 2 т. Т. 2. С. 173. Гражданином Украинской Державы считались все российские подданные, которые пребывали на Украине во время издания закона в июле 1918 г. Политическая платформа новой власти в сфере национальных отношений, как считают украинские специалисты, основывалась на подходе «без различия национальностей». Закон о национальной персональной автономии был отменен, а соответствующие органы ликвидированы (этот процесс затянулся вплоть до октября 1918 г.). См.: Липи́г Р. Національна політика Української гетьманської держави (квітень – грудень 1918 р.) // Національні питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 129–130.

¹⁷¹ См. Верменич Я. В., Бачинський Д. В. «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Вип. 3. Київ, 1999. С. 140–155; «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003. С. 15–19; Борисенюк Е. Ю. Смысловые и оценочные особенности употребления термина «украинизация» // Между Варшавой, Киевом и Минском. Сборник к 50-летию М. В. Дмитриева. М., 2008. С. 217–224.

¹⁷² Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). Чернівці, 2008. С. 35–41.

просвещения УНР в марте 1918 г. пришло к выводу, что «широкие намерения в отношении украинизации не оправдались»¹⁷³.

Большое внимание языковому вопросу уделялось и в правление гетмана. 7 мая 1918 г. Совет министров, рассматривая вопрос о языке судопроизводства, постановил признать, что украинский язык является государственным языком, и все учреждения должны перейти на этот язык. Министерство военных дел постановило все официальное общение перевести на государственный (т. е. украинский) язык, а в учреждениях и частях должны были быть организованы курсы украиноведения. Министерство внутренних дел обязало сотрудников почты, телеграфа и телефонных станций во время исполнения своих служебных обязанностей пользоваться лишь государственным языком. Министерство путей сообщения также объявило о необходимости помнить, что в Украинской Державе государственным языком является украинский. Однако проведение в жизнь украинизации наталкивалось на проблему недостаточного знания украинского языка специалистами, причем государственные учреждения постоянно пополнялись выходцами из великороссийских губерний, отнюдь не стремившимися изучать украинский язык¹⁷⁴.

Проблема кадров стояла очень остро. Скоропадский вспоминал, что спустя несколько дней после переворота к нему явились представители украинских партий и заявили о своей готовности поддерживать гетмана, если он согласится на роль президента республики. Скоропадский же считал это гибельным, поскольку спасти страну можно только диктаторской властью¹⁷⁵. В результате после переворота партии социалистической и национальной ориентации стали в оппозицию к режиму гетмана, и Скоропадский столкнулся с острой кадровой проблемой: «Украинцы все говорят о том, что я пользовался русскими силами для создания Украины, – писал гетман. – Да потому, что одними украинскими силами нельзя было создать ничего серьезного. Культурный действительно класс украинцев очень малочислен. Это и является бедой украинского народа»¹⁷⁶.

Личные убеждения Скоропадского и его окружения, с одной стороны, и «кадровый голод», с другой, обусловили особенности проведения украинизации в период гетманата. Вице-премьер и министр просвещения Н. П. Василенко, известный ученый, член ЦК партии кадетов, подчеркивал, что «ни о какой насильственной украинизации не может быть и речи»: «Я по своим убеждениям абсолютно далек от насильственных методов в сфере культуры»¹⁷⁷. Позднее Скоропадский в своих воспоминаниях писал: государственным языком на Украине должен быть украинский, но он ничего не имел против того, «чтобы со временем оба языка, т. е. русский и украинский, были равноправны». Боязнь некоторых украинцев, что русский язык «затрет» украинский, утверждал гетман, «показывает отсутствие веры в Украину». Однако, пока «положение с языками так остро», «украинский язык будет один»¹⁷⁸.

Тем не менее большое внимание уделялось украинизации в образовательной и культурной сферах. Гетманское Министерство просвещения 22 июля 1918 г. обратило внимание местных органов власти на обязательное введение обучения в начальной школе для украинского населения на украинском языке, а 29 августа было введено изучение украинского языка в школах, где обучение проводилось не на украинском языке, т. е. для школ национальных меньшинств. Наконец, 1 августа Совет министров Украинской Державы гетмана Скоропадского

¹⁷³ Там же. С. 47. О дискуссии относительно количества украинских школ в период Центральной Рады см.: Там же. С. 48–53.

¹⁷⁴ *Пиріг Р. Я. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси.* Київ, 2011. С. 120–123; *Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси.* Київ, 2012. С. 131–132.

¹⁷⁵ *Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918.* Київ; Філадельфія, 1995. С. 173–174.

¹⁷⁶ Там же. С. 233.

¹⁷⁷ *Пиріг Р. Я. Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси.* С. 90.

¹⁷⁸ *Павло Скоропадський. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918.* С. 258.

установил обязательное изучение украинского языка и литературы, истории и географии Украины во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, духовных и учительских семинариях и институтах. 3 августа гетман утвердил этот закон¹⁷⁹.

В сентябре 1918 г. Совет министров принял закон об объявлении прежних русских высших школ на территории гетманата украинскими государственными вузами. Это университеты Св. Владимира в Киеве, Харьковский, Новороссийский (Одесса), а также технические вузы – Екатеринославский горный, Харьковский технологический и ветеринарный, Киевский политехнический институты. Никаких указаний и предостережений относительно языка преподавания документ не содержал. Впоследствии был принят закон об объявлении Нежинского историко-филологического института князя Безбородко украинским государственным высшим учебным заведением. При Харьковском, Новороссийском университетах и Нежинском институте открывались кафедры украиноведческого направления.

Несмотря на непростые условия, украинским правительствам удалось добиться определенных успехов (особенно Центральной Раде и гетманскому правительству). Создавались украинские школы (только в 1917 г. было открыто 215 так называемых высшеначальных школ, а к концу 1918 г. число украинских гимназий достигло 150). Число периодических изданий на украинском языке достигло в 1917 г. 106 названий и 212 в 1918 г. Что касается книг, то в 1917 г. вышло 747 наименований, в 1918 г. – 1084, 1919 г. – 665¹⁸⁰. В 1918 г. была создана Украинская академия наук. При русских высших учебных заведениях открывались кафедры украиноведения, кроме того, был открыт университет в Каменце-Подольском, историко-филологический факультет в Полтаве, Народный университет в Киеве был преобразован в Украинский государственный университет, была открыта Национальная библиотека, работали несколько национальных театров.

Сущность украинизаторской деятельности Центральной Рады выразил один из ее лидеров известный писатель В. К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и областях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, поэтому для него, как украинского народа, должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия»¹⁸¹.

Украинизация, по мысли ее инициаторов, должна была охватить все стороны жизни общества. Однако условия Гражданской войны не позволили провести все задуманное в полной мере. К тому же большинство украинского населения было озабочено другими, в первую очередь социально-экономическими, проблемами. По сравнению с продовольственной и аграрной проблемами появление украинских школ, книг на украинском языке и кафедр украиноведения казалось второстепенным явлением. На мероприятия по украинизации из-за их ярко выраженного политизированного характера обращали внимание, прежде всего, представители интеллигенции. Настроения русского общества¹⁸² весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М. А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «...Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман»¹⁸³, – говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Свояч он (гетман. – Е. Б.), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»¹⁸⁴. Турбина возмущает Леонид Юрьевич Шервинский: «Я должен сказать в защиту гетмана. Правда, ошибки

¹⁷⁹ Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 71.

¹⁸⁰ Рубльов О. С., Реєнт О. П. Українські визвольні змагання. 1917–1921 рр. Київ, 1999. С. 89–95, 139–143, 182–185.

¹⁸¹ Винниченко В. Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень, 1920. С. 125–126.

¹⁸² См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. Русские об Украине и украинизации 1910–1930-х годов // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 362–414.

¹⁸³ Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

¹⁸⁴ Там же.

были допущены, но план у гетмана был правильный. О, он дипломат. Край украинский, здесь есть элементы, которые хотят балакать на этой мове своей, – пусть!». Но Турбин с этим не был согласен: «Пять процентов, а девяносто пять – русских!...»¹⁸⁵.

Киевский присяжный поверенный и общественный деятель А. А. Гольденвейзер в своих «Киевских воспоминаниях» упомянул о том резонансе, который вызывало это явление в обществе. Он отмечал, что украинизация «приводила в смущение всех неукраинцев, причастных к школе, науке, адвокатуре. Украинский язык, с которым впоследствии немного свыклись, вызывал аффектированные насмешки; никто не собирался учиться этому языку»¹⁸⁶. Но если действия Центральной Рады по украинизации («борьба против русского языка») мемуарист считал просто «некультурными и вредными», то политика гетмана Скоропадского воспринималась им совершенно по-другому. Если Грушевский и Винниченко, писал Гольденвейзер, боролись за «осуществление мечты всей их жизни», то политика гетмана «с самого начала была совершенно беспринципной». «Единственным постоянным элементом в правительственной программе было угождение немцам, – говорится в „Киевских воспоминаниях“. – Немцы, по-видимому, хотели образования независимой Украины; поэтому гвардейский офицер Скоропадский стал украинским националистом и самостийником... Это был лицемерный, притворный национализм»¹⁸⁷. Украинизационные мероприятия Скоропадского воспринимались Гольденвейзером столь негативно, во-первых, из-за сотрудничества гетмана с врагом Российской империи – Германией. Кроме того, автор воспоминаний не верил в искренность «украинских чувств» бывшего царского генерала, представителя военной элиты Российской империи.

Обострение национальных противоречий в УНР являлось не просто следствием украинизаторских усилий Центральной Рады, Гетманата и Директории, но и отражало характерную для распада имперских структур ситуацию. Общественное мнение разделилось не только по партийно-политическому признаку, но и по национальному: политика украинских правительств изменяла сложившуюся культурно-языковую ситуацию, украинский язык проникал в ранее недоступные для него сферы, что создавало дополнительную социальную напряженность. Русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, предложенной национальными правительствами. Несмотря на то что Российская академия наук признала самостоятельный статус украинского языка, среди русской интеллигенции по-прежнему была широко распространена точка зрения рассматривать украинский язык как «наречие», а попытки активного внедрения в массовое сознание украинской идентичности вызывали по крайней мере недоумение.

¹⁸⁵ Там же. С. 210.

¹⁸⁶ Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Революция на Украине по мемуарам белых. М.; Л., 1930. С. 18.

¹⁸⁷ Там же. С. 229.

§ 3. «Украинский вопрос» в геополитике: планы Советской России и Польши (1919–1920 гг.)

Летом и осенью 1918 г., в период существования Украинской Державы гетмана П. П. Скоропадского, усилия украинских большевиков были направлены на концентрацию сил в пролетарских центрах. Однако в конце 1918 г., с окончанием Первой мировой войны, политическая ситуация вновь изменилась. Немецкие и австрийские войска утратили оккупационные функции, чем не преминули воспользоваться украинские политические круги, решившие восстановить Украинскую Народную Республику. В декабре 1918 г. произошел переворот: 14 декабря гетман отрекся от власти, а 18 декабря в Киеве встречали так называемую Директорию, лидерами которой были известные украинские политические деятели В. К. Винниченко и С. В. Петлюра. Вскоре было даже провозглашено объединение УНР с Западно-Украинской Народной Республикой, образовавшейся после распада Австро-Венгрии.

Практически сразу после установления власти Директории, 1 января 1919 г., был утвержден закон о государственном языке в УНР, по которому украинский язык стал обязательным для употребления во всех правительственных и общественных учреждениях. Министерство народного образования 30 января издало приказ, по которому украинский объявлялся языком преподавания во всех школах Украины, а 5 февраля была подготовлена специальная инструкция, по которой при губернских и уездных комиссариатах образования создавались специальные комиссии для рассмотрения заявлений тех учителей, которые не смогут преподавать на украинском языке. Разрешение не преподавать на украинском языке давалось лишь до конца текущего учебного года (т. е. до 1 июля 1919 г.)¹⁸⁸.

Однако власть Директории также не стала стабильной. Когда ситуация в «украинском вопросе» изменилась, после поражения Германии и начала в ней революции большевики предприняли попытку восстановления на Украине советской власти. «Украина, товарищи, это наш путь к европейской революции»¹⁸⁹, – заявил К. Б. Радек на II съезде КП(б)У в октябре 1918 г. 28 ноября было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство УССР во главе с Г. Л. Пятаковым. 29 ноября советское правительство Украины опубликовало специальный манифест, в котором говорилось о падении власти Скоропадского и оккупантов и переходе власти в руки рабочих и крестьян.

В январе 1919 г. началось наступление большевистских войск на Киев. 4 января В. А. Антонов-Овсеенко возглавил Украинский фронт, наступавший на Левобережье, а уже через два дня, 6 января, Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование Украинской Социалистической Советской Республики. В конце января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство было преобразовано в Совет народных комиссаров, который возглавил Х. Г. Раковский. Наступление завершилось успехом, и 5 февраля 1919 г. большевики были уже в Киеве.

Хотя украинские большевики и отказывали «национальному движению масс» в реальном влиянии среди украинского населения, продвижение Красной армии было обставлено со всеми необходимыми атрибутами в виде создания временных советских правительств. 29 ноября 1918 г. Ленин отправил главкому И. И. Вацетису телеграмму следующего содержания: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей как оккупацию и создает благоприятную атмосферу

¹⁸⁸ Боровик А. М. Українізація загальноосвітніх шкіл за часів виборювання державності (1917–1920 рр.). С. 82.

¹⁸⁹ II съезд КП(б)У. 17–22 октября 1918 г. Протоколы. Киев, 1991. С. 87.

для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей»¹⁹⁰.

На III съезде Советов УССР в марте 1919 г. была принята Конституция Украинской Социалистической Советской Республики и одобрен курс на укрепление отношений с Советской Россией. Однако провозглашенные большевиками национальные лозунги не мешали им строить планы «полного слияния» УССР и РСФСР. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено¹⁹¹. В июне 1919 г. были приняты два важных решения. Во-первых, было подписано постановление ВЦИК о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, которое признавало необходимым «тесное объединение» указанных республик, причем не только объединение военного командования, но и советов народного хозяйства, железнодорожного хозяйства, финансов, комиссариатов труда. Одновременно признавалось независимость всех советских республик¹⁹². Кроме того, при ВЦИК была создана комиссия (Л. Б. Каменев, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский, Д. И. Курский) для изучения вопроса о вхождении национальных республик в состав РСФСР¹⁹³. При этом Раковский настаивал на объединении только на началах федеративного устройства при создании единого органа верховного управления в виде Федеративного Совета Республик¹⁹⁴.

Однако разработка объединительных планов вновь была прервана из-за обострившегося положения на фронтах Гражданской войны. В мае 1919 г. белогвардейские войска генерала Деникина, контролировавшие Донбасс, Дон, Кубань и Северный Кавказ, перешли в наступление. Преодолевая сопротивление Красной армии, к концу лета 1919 г. деникинцы оккупировали почти всю Украину, однако удержать власть не смогли, и в результате наступления Красной армии на Украину зимой 1919–1920 гг. Украина была очищена от деникинских войск.

Уже к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и в России) большевистской аграрной политикой – экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной армией в условиях отсутствия снабжения из центра; введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет. По данным А. Грациози, украинские крестьяне стали встречать продотряды криком «Бей жидов и москалей!»¹⁹⁵. Но на Украине не смог найти поддержки и Деникин, благодаря чему большевикам в конце концов удалось здесь закрепиться.

Однако не только недовольство крестьянства и сепаратистские устремления украинских политиков обостряли ситуацию до крайности. Не менее важное значение по-прежнему имел внешнеполитический фактор¹⁹⁶. Деятели УНР, пытаясь обрести опору в своей борьбе с большевиками, вели активный поиск внешнеполитических союзников.

Самое пристальное внимание украинским землям уделяла возвратившая себе государственность в ноябре 1918 г. Польша. Как уже упоминалось, в начале XX в. в польских поли-

¹⁹⁰ Ленин В. И. Телеграмма главкому И. И. Вацетису. 29 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 37. М., 1969. С. 234.

¹⁹¹ Лозицкий В. С. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918–1991). С. 20.

¹⁹² Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. М., 1972. С. 103. См. также: Гросул В. Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М., 2007.

¹⁹³ Волковинський В. М., Кульчицький С. В. Християн Раковський. Політичний портрет. Київ, 1990. С. 187.

¹⁹⁴ Непароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1925. М., 1991. С. 94–95; Мельниченко В. Християн Раковський. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Київ, 1992. С. 46.

¹⁹⁵ Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. С. 117.

¹⁹⁶ См. подробнее: Борисёнок Е. Ю. Влияние польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу (большевики и украинский вопрос в 1917–1923 годах) // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 179–194.

тических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни главную опасность в деле возрождения Польши видели в Германии, другие – в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они были убеждены, что Российскую империю ожидает распад, и произойдет он по национальному признаку. В результате на окраинах Российской империи должны были возникнуть независимые государства – своеобразный буфер между Москвой и Варшавой¹⁹⁷.

Подобные взгляды разделял и «временный начальник государства» Ю. Пилсудский. К тому же Пилсудскому не чужды были и экспансионистские устремления¹⁹⁸. Уже в ноябре 1918 г. Польша начала активные военные действия в Восточной Галиции против образованной там Западно-Украинской Народной Республики. Польско-украинская война закончилась в июне 1919 г. победой Польши и оккупацией всей Восточной Галиции польскими войсками.

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально, используя весьма распространенные в Западной Европе антибольшевистские настроения. Как известно, в Германии находила довольно весомую поддержку идея расчленения Российской империи, в частности, образования независимого украинского государства, чем активно пользовались многие политические силы в борьбе за власть на Украине. Поляки же нашли поддержку у Франции. Последняя рассматривала независимое польское государство как щит между русским большевизмом и германской революцией и оказывала активную помощь полякам путем поставок военного снаряжения и посылки военных инструкторов.

В декабре 1918 г. на переговорах с представителем Парижского Польского национального комитета С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших белорусских и украинских рек Улла – Березина – Случь – Горынь – Ушица. Своего ближайшего соратника и участника Парижской мирной конференции Л. Василевского Пилсудский инструктировал таким же образом: восточная граница должна обеспечить вхождение в Польшу железной дороги Дрогобыч – Львов – Ковель – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и ее «прикрытие» в виде пояса болот и лесов вдоль Припяти¹⁹⁹.

Все это создавало благоприятные условия для польско-украинского союза на антибольшевистской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 – начало 1919 гг. 31 декабря в Варшаву отправилась украинская миссия во главе с профессором В. Прокоповичем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами²⁰⁰.

Однако достичь соглашения было непросто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов в феврале 1919 г. Совет Десяти Парижской конференции согласился с территориальными претензиями Польши в Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория

¹⁹⁷ Матвеев Г. Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 237–238.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Ціхмірай А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паслеваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003. С. 22.

²⁰⁰ Срібняк І. Симон Петлюра на чолі держави та війска. До питання про польско-українські взаємини 1919–1920 рр. // Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць Другого конкурсу петлюрознавців України. Київ, 1995. С. 142.

одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре прибыл специальный представитель Ю. Пилсудского Я. Мазуркевич («Заглоба»)²⁰¹.

1 сентября 1919 г. было заключено предварительное соглашение между УНР и Польшей. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Петлюра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла дипломатическая миссия УНР, а 2 декабря, без согласия галицийской делегации, миссия УНР подписала украинско-польскую декларацию, в которой признала права Польши на Восточную Галицию²⁰². В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских частей.

Отношения же между Польшей и РСФСР складывались крайне сложно. Польское руководство не без оснований подозревало советское руководство в попытках вызвать революцию в Польше, но, с другой стороны, относилось к Ленину и Троцкому как к меньшему злу по сравнению с белым движением и его лозунгом «Единой и неделимой России». Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Польское руководство отмену большевиками актов царского правительства о разделах Речи Посполитой в Варшаве рассматривало едва ли не как юридическое признание Россией прав Польши на восстановление ее в границах 1772 г., которые оставались недостижимой мечтой всех польских политических формирований с конца XVIII века.

Польша не ответила на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, видя крайнюю заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило дополнительно обезопасить себя и прекратило попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик.

В условиях социальной напряженности, недовольства крестьянства украинско-польский союз представлял несомненную опасность для планов большевиков по укреплению своей власти на Украине. Еще осенью 1919 г. желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико, о чем свидетельствует проект тезисов о политике на Украине, подготовленный к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г. Лениным: «Пока – самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI.19 „принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России“»²⁰³. Однако уже в этом документе Ленин призывал к величайшей осторожности «в отношении к националистским традициям», считал необходимым «строжайшее соблюдение равенства украинского языка и культуры»²⁰⁴.

В дальнейшем планы, намеченные на заседании Политбюро 21 ноября, были пересмотрены. Большевистское руководство признало необходимым подчеркнуть независимый статус Украинской ССР. Так, 3 декабря 1919 г., когда переговоры деятелей УНР с польскими лидерами шли полным ходом, VIII Всероссийская конференция РКП(б) приняла резолюцию о советской власти на Украине, в которой подчеркивалось: «Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР»²⁰⁵. Одновременно всем членам партии вменя-

²⁰¹ Там же. С. 143.

²⁰² Гетьманчук М. П. Між Москвою та Варшавою: українське питання у радянсько-польських відносинах міжвоєнного періоду. Львів, 2008. С. 63.

²⁰³ Ленин В. И. Проект тезисов ЦК РКП(б) о политике на Украине. Не позднее 21 ноября 1919 г. // Ленин В. И. Известные документы. С. 306.

²⁰⁴ Там же. С. 306–307.

²⁰⁵ Восьмая Всероссийская конференция РКП(б). Москва. 2–4 декабря 1919 г. Резолюция о советской власти на Украине // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1924. С. 459.

лась обязанность «содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры», «всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план», «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудовых масс»²⁰⁶. 28 декабря 1919 г. В. И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...Мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»²⁰⁷.

В сложившейся обстановке такая политика была логичной. Внешнеполитическая ситуация продолжала оставаться весьма напряженной. В начале февраля 1920 г. глава НКВД Г. В. Чичерин сообщал ЦК РКП(б), что, по сообщению французского радио в Варшаве, Польша собралась потребовать независимости Украины (а также Белоруссии, Литвы и Латвии)²⁰⁸. Польские лидеры надеялись, что независимая Украина перейдет под польское влияние. Как подчеркивает И. В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волинского фронта. Там, в частности, говорилось: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину»²⁰⁹.

Между тем переговоры же между Польшей и УНР осенью – зимой 1919 г. стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А. И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши могло сыграть последнему на руку, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

В этих условиях центральное большевистское руководство вынуждено было отказаться от слияния РСФСР и УССР, сделав ставку на тесный союз между этими двумя республиками. В сложных внешнеполитических условиях такой союз становился весьма актуальным. После поражения Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился подписанием Варшавского договора. Был подписан также секретный протокол с Петлюрой о разделе Украины: Польша признавала его главой независимой Украины, Петлюра отдавал Восточную Галицию. В апреле 1920 г. активизировались военные действия на советско-польском фронте. Польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Одновременно на IV Всеукраинском съезде Советов 20 мая 1920 г. была принята специальная резолюция о государственных отношениях между УССР и РСФСР. Съезд указал, что «УССР, сохраняя

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 40. М., 1974. С. 42, 45–46.

²⁰⁸ Симонова Т. М. «Прометеизм» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919–1926 годах // Иван Александрович Воронков – профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921–1983). М., 2001. С. 126.

²⁰⁹ Михутина И. В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 165.

свою самостоятельную государственную конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики...»²¹⁰.

Красная армия перешла в наступление и в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в наступательную революционную. Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В. М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и „прошупать штыком“, не готова ли Германия к началу пролетарской революции»²¹¹. В связи с наступлением Красной армии в Польше руководство РКП(б) считало возможными крупные классовые выступления рабочих как в Польше, так и в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Италии²¹². Рассчитывая на «советизацию» Польши, В. И. Ленин готов был пойти и на территориальные уступки. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон потребовал от Советского правительства остановить наступление Красной армии на линии, определенной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши (Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогобуж – Устилуг – восточнее Грубешова, через Крылов – западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля – до Карпат). Пытаясь «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от их буржуазии и помещиков»²¹³, Ленин отправил 15 июля 1920 г. телеграмму И. С. Уншлихту, в которой говорилось о готовности обеспечить «польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта»²¹⁴. Но расчеты большевиков не оправдались: в своем докладе на IX конференции РКП(б) Ленин признал, что «прошупать готовность Польши к социалистической революции удалось чрезвычайно мало»²¹⁵. Поляки в массе своей восприняли Красную армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев были взяты в плен²¹⁶.

Во время переговоров с Польшей советская сторона настаивала на признании независимости и территориальной целостности УССР, БССР и Литвы. 23 сентября 1920 г. ВЦИК принял заявление об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором говорилось что «в основу мира должно быть, во-первых, положено немедленное торжественное подтверждение как Польшей, так и Россией независимости Украины, Литвы, Белоруссии и признание независимости Восточной Галиции; во-вторых, как Польша, так и Россия должны немедленно официально признать, как форму выражения воли соответствующих наций, те государственные представительные учреждения... кои существуют в каждой из этих стран»²¹⁷. 12 октября 1920 г. был подписан договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, согласно которым Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины.

²¹⁰ IV Всеукраинский съезд Советов. Постановления, резолюция и другие документы съезда. О государственных отношениях между УССР и РСФСР // Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: 1917–1936. Сб. документов. Т. 2. М., 1960. С. 71–72.

²¹¹ Никонов В. А. Молотов: Молодость. М., 2005. С. 492.

²¹² Телеграмма В. И. Ленина И. В. Сталину о положении в Коминтерне. 23 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 54–55.

²¹³ Телеграмма В. И. Ленина И. С. Уншлихту о плане наступления на Польшу. 15 июля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 53.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Из доклада В. И. Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)» на IX конференции РКП(б). 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. С. 63.

²¹⁶ См. подробнее: Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.

²¹⁷ 23 сентября 1920 г. ВЦИК принял Заявление ВЦИК об основах соглашения между РСФСР и Польшей. 23 сентября 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., 1959. С. 205.

В этой ситуации для большевистского руководства важно было официально закрепить союз между РСФСР и УССР. VIII Всероссийский съезд Советов 28 декабря 1920 г. и V съезд Советов УССР в феврале 1921 г. утвердили «Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР», в котором подтверждались независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и одновременно говорилось о вступлении республик в военный и хозяйственный союз. Важнейшие комиссариаты объявлялись объединенными (военный и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа) и предусматривалось их вхождение в состав СНК РСФСР, а СНК УССР должен был иметь своих уполномоченных²¹⁸.

Советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Обе стороны признавали независимость Украины и Белоруссии²¹⁹. Специальная статья предусматривала не только воздержание от вмешательства во внутренние дела другой стороны, но и отказ от поддержки организаций, «имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя»²²⁰. Одновременно оговаривалось предоставление всех прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов русским, украинцам и белорусам, проживавшим в Польше. Со своей стороны, те же права обеспечивались полякам, проживавшим в России, Украине, Белоруссии²²¹.

Таким образом, объявив об образовании Украинской ССР, большевистское руководство, с одной стороны, высказалось в пользу идеи о существовании самостоятельной украинской нации, но, с другой стороны, рассчитывало на дальнейшее слияние Украины и России. Однако сложное внутреннее положение, и прежде всего недовольство крестьянства, а также внешне-политические расчеты политиков УНР, наложившиеся на активизацию «восточной политики» Польши, заставили большевиков отказаться от первоначальных планов и взять курс не на слияние, а на тесный союз двух республик. Более того, итогом сложной внешне- и внутривнутриполитической ситуации в стране стал курс большевиков на создание «национального облика» УССР.

²¹⁸ Союзный рабоче-крестьянский договор между РСФСР и УССР // Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. док. С. 166–168.

²¹⁹ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой. 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 619.

²²⁰ Там же. С. 622–623.

²²¹ Там же. С. 625–626.

§ 4. Восточная Галиция, Угорская Русь, Северная Буковина и Бессарабия: коллизия национальных интересов

Федеративная концепция Ю. Пилсудского позволяла заключить союз с Петлюрой на антибольшевистской основе. Однако такое взаимопонимание было возможно лишь в том случае, если проект не затрагивал интересы польских лидеров в Восточной Галиции. Эту территорию поляки считали своей и вели решительную борьбу за включение ее в состав Польши.

Осенью 1918 г. нарастающие национальные движения в различных частях империи привели к распаду Австро-Венгрии. 7 октября Регентский совет Королевства Польского опубликовал воззвание «К польскому народу» с требованием создания независимого государства, охватывающего все польские земли с доступом к морю, политически и экономически самостоятельного. Через три дня, 10 октября, польские политики заявили о выходе Галиции из Австро-Венгрии и о вхождении ее в состав польского государства. Однако такое развитие событий не устраивало лидеров украинского движения. 18–19 октября во Львове на собрании украинских депутатов австрийского парламента, галицийского краевого сейма и краевого сейма Буковины, епископата, представителей (делегатов) украинских партий был избран временный украинский парламент – Украинская национальная рада (Українська Національна Рада, УНРада) во главе с Е. Петрушевичем. 18 октября был принят статут (устав) Украинской национальной рады, которая объявлялась «конституантой» (представительским собранием) той части украинского народа, которая живет в Австро-Венгерской монархии, на ее этнографической территории, и в случае, «который сочтет соответствующим», должна решить вопрос о судьбе всех областей, заселенной украинцами, «именем украинского народа австро-венгерской монархии, его правом самоопределения»²²². В прокламации, выпущенной на следующий день, 19 октября, УНРада определила территорию украинской этнографической области в Австро-Венгрии: «Восточная Галиция с границей по Сяну с включением Лемковщины, северо-западная Буковина с городами Черновцы, Строжинец и Серет, украинская полоса северо-восточной Венгрии»²²³.

Польские политики негативно восприняли попытки галичан создать собственное государство. 28 октября была образована Польская ликвидационная комиссия, которая намеревалась взять власть в Галиции. Приезд комиссии во Львов был намечен на 1 ноября. В ответ 1 ноября 1918 г. Украинская национальная рада приняла обращение к украинскому народу, в которых объявлялось, что 19 октября было создано украинское государство на землях бывшей Австро-Венгрии, что украинский народ освобожден «от вековой неволи», и теперь он – «господин своей земли, свободный гражданин украинского государства». Кроме того, объявлялось, что с этого дня, 1 ноября, УНРада взяла власть во Львове и на всей территории украинского государства. Объявлялось также о создании национальных вооруженных сил и передаче австрийско-польской администрации украинцам. Провозглашалось равноправие граждан всех народностей и вероисповедания, а полякам, евреям и немцам предлагалось направить своих представителей в УНРаду. Кроме того, предполагался созыв Учредительного собрания для решения дальнейшей судьбы украинского государства²²⁴.

Конфликт за обладание Восточной Галицией перерос в украинско-польскую войну. Уже 1 ноября украинские вооруженные силы взяли под контроль Львов, а позднее – и другие города Восточной Галиции. Во Львове польские политические партии и общественные организации образовали Польский национальный комитет, который призвал с оружием в руках ответить на

²²² Конституційні акти України. 1917–1920: Невідомі конституції України. Київ, 1992. С. 92.

²²³ Там же. С. 93.

²²⁴ Там же. С. 94.

действия украинцев²²⁵. 2 ноября в УНР прибыла польская делегация. Польская сторона предлагала включить в возрожденное польское государство Перемышль, Львов и другие города. Диалога не получилось. 5 ноября УНР вновь обратилась к населению Восточной Галиции, предложив признать за поляками на украинской земле полное равноправие. 9 ноября было объявлено о названии нового государства – Западно-Украинская Народная Республика²²⁶. В тот же день был сформирован Государственный секретариат, а 13 ноября принят Временный основной закон. Однако ситуация для ЗУНР складывалась тяжелая. 21 ноября украинская армия оставила Львов, а правительство ЗУНР переехало сначала в Злочев, потом в Тарнополь, а 3 января 1919 г. – в Станислав²²⁷.

3 января 1919 г. УНРада объявила о своем намерении объединить ЗУНР и УНР в единую суверенную народную республику. 22 января на Софийской площади в Киеве было проведено торжественное объединение двух республик. В состав директории УНР был избран Е. Петрушевич, а ЗУНР стала Западной областью Украинской народной республики.

В Станиславе был принят ряд законов, в том числе закон о созыве Сейма ЗУНР и закон о выборах, по которым депутаты сейма избирались на основе общего без различия пола, равного, прямого, тайного, пропорционального избирательного права. В сейм предлагалось избрать 160 украинцев, 27 евреев, 3 поляков и 6 немцев²²⁸.

3 февраля 1919 г. Украинская национальная рада приняла закон «Об огосударствлении украинских школ», а 14 февраля – закон «Об огосударствлении украинских частных гимназий и женских семинарий», согласно которым все школы – общественные (начальные), средние, гимназии, реальные, и тому подобные, – объявлялись государственными, а учителя – государственными служащими. Языком преподавания становился украинский. Содержавшиеся ранее на общественные средства учителя народных школ также были объявлены государственными служащими, им стали выдавать зарплату²²⁹.

15 февраля 1919 г. был одобрен закон «О применении украинского языка во внутреннем и внешнем управлении государственных властей и правительств, публичных институций и государственных предприятий в Западной области Украинской Народной Республики». Государственным языком объявлялся украинский. В марте было издано распоряжение для чиновников госадминистрации, по которому к службе в государственных органах допускались лишь граждане Украинской Народной Республики, «безукоризненного поведения, которые владеют украинским языком в устной и в письменной речи и не переступили сорокового года жизни». Правда, последнее не касалось действующих служащих²³⁰.

Делопроизводство государственных органов, органов местной власти, государственных предприятий должно было вестись на украинском языке. Впрочем, закон предусматривал и гарантию национальным меньшинствам – свободу употребления родного языка в устной и письменной форме при обращении в правительственные инстанции. Национальным меньшинствам гарантировалось право иметь свои школы и библиотеки, периодические издания, свободно пользоваться родным языком в повседневной жизни.

Языковая политика ЗУНР предусматривала открытие начальных народных школ, причем поляки, евреи и немцы могли открывать собственные школы. Во всех школах было отменено обязательное преподавание немецкого языка, а в неукраинских – с третьего класса вводился как обязательный предмет украинский язык. Польские школы стали превращаться в украин-

²²⁵ Литвин М. Р. Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів, 1998. С. 53–54.

²²⁶ Національне питання в Україні XX – початку XXI ст.: історичні нариси. С. 151.

²²⁷ Там же. С. 152.

²²⁸ Там же. С. 153.

²²⁹ Гай-Нижник П. П., Солдатенко В. Ф. Державотворчий процес в Західноукраїнській Народній Республіці // Нариси історії державної служби в Україні. Київ, 2009. С. 231.

²³⁰ Там же. С. 231–232.

ские. Всего было открыто 30 украинских средних школ, в том числе 20 гимназий, 3 реальные школы, 7 учительских мужских и женских семинарий. Расширялась сеть специальных и профессиональных учебных заведений. Особое внимание уделялось изучению украинского языка, математики, истории, географии Украины²³¹.

Таким образом, языковая и культурная политика ЗУНР была выражена достаточно четко. Был взят курс на преобладание украинского языка в официальной и образовательной сферах, но при этом не предусматривалась ассимиляция неукраинского населения. Поскольку существование украинского государства на западноукраинских землях было кратковременным, программа национализации культурной и общественной жизни не обладала системным характером. Однако можно утверждать, что основы украинизационной политики были выработаны. Такие черты, как внедрение украинского языка и культуры в различные сферы общественно-политической и культурной жизни государства при одновременном обеспечении прав национальных меньшинств, сближали этот курс с советской украинизацией.

Для ЗУНР неудачно складывались военные действия: созданная Украинская галицкая армия не смогла остановить польские войска и 16–17 июля вынуждена была отступить за Збруч. Украинским политикам не удалось урегулировать конфликт и дипломатическим путем. Польские лидеры считали Восточную Галицию своей территорией и активно боролись за включение ее в польское государство. На Парижской мирной конференции активно работало польское дипломатическое представительство, которое до начала апреля 1919 г. возглавлял Р. Дмовский, а затем – И. Падеревский.

29 января 1919 г. Р. Дмовский выступил с речью на Совете Десяти. В представленной им ноте о границах польского государства доказывалось, что Восточная Галиция представляет собой польскую территорию, которая всегда и полностью принадлежала полякам. Впрочем, оговаривалось, что Восточная Галиция представляет исключение, так как временно входила в состав Древней Руси. Предложенная Дмовским территориальная программа предусматривала трактовку Восточной Галиции как составной части Польского государства. Он настаивал, что «руськое» население, хотя и составляет 58,6 % (такую цифру приводил Дмовский) от общего числа в восточной части Галиции, все равно составляет меньшинство по сравнению со всем населением Галиции. Численность украинской интеллигенции Дмовский оценивал в 16 тыс. чел., польской – в 465 тыс. чел. Позиция польского представительства была однозначной: украинцы не способны самостоятельно сформировать органы управления и самоуправления²³².

В феврале 1919 г. была создана специальная Комиссия по делам Польши. 28 февраля польская делегация выступила перед Комиссией с очередной нотой. Вступительная часть документа практически повторяла текст ноты Р. Дмовского. Восточная Галиция представлялась в качестве польской территории с преобладающим польским элементом, а украинское национальное движение – как искусственное, созданное благодаря германскому и австрийскому влиянию в этом регионе²³³.

После многочисленных согласований и попыток урегулировать польско-украинский конфликт, 25 июня 1919 г. Совет Десяти на Парижской мирной конференции разрешил Польше оккупировать Восточную Галицию, через несколько дней Р. Дмовский вместе с И. Падеревским подписал от имени Польши Версальский мирный договор.

Несмотря на подписание Версальского договора, украинско-польские переговоры не прекратились. Как уже упоминалось, они с разной интенсивностью длились с конца 1918 г. В конце октября 1919 г. в Варшаве начала работу новая украинская дипломатическая миссия во

²³¹ Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси. С. 154; *Литвин М. Р.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. С. 13–14; *Литвин М. Р., Науменко К. Є.* Історія ЗУНР. Львів, 1995. С. 99.

²³² *Зелінський М. В.* Дипломатична діяльність Романа Дмовського у вирішенні «українського питання» на Паризькій мирній конференції (1919–1920) // Чорноморський літопис. 2013. Вип. 8. С. 14–15.

²³³ Там же. С. 15.

главе с министром иностранных дел УНР А. Ливицким. В состав миссии входили три представителя ЗУНР – С. Витвицкий, А. Горбачевский и М. Новаковский²³⁴. Первоначально украинская сторона решила не идти на уступки в вопросе о Восточной Галиции, однако тяжелое положение УНР заставило поднепровцев изменить свои позиции. Как пишет И. В. Михутина, «Ливицкий убеждал галицийских коллег, что Польша предоставит краю национально-территориальную автономию, условия автономии будут вырабатываться с участием украинцев и т. д.»²³⁵. 2 декабря миссия назвала свои условия: западная граница УНР от Черного моря по Днестру, вдоль Збруча и через Волынь. Польше предоставлялась северо-западная часть Волыни и вся Восточная Галиция. Взамен ожидалось признание УНР и заключение соглашений военного, торгового и консульского характера²³⁶. Окончательный договор между правительствами Польши и УНР был подписан в апреле 1920 г., но уже в марте название «Галиция» заменено на «Малая Польша», употреблялся термин «русин», а не «украинец». В декабре 1920 г. были созданы Львовское, Станиславское и Тарнопольское воеводства, которые, в свою очередь, разделились на уезды.

Деятели УНР еще пытались бороться за международное признание Восточной Галиции на международной арене. В июле 1920 г. было образовано правительство диктатора ЗУНР, пытавшееся найти понимание у британского премьера Д. Ллойд Джорджа. Однако успехов эти попытки не принесли, и 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал восточной границей Польши границу, установленную Рижским мирным договором.

Ожесточенная борьба за Восточную Галицию негативно сказалась на польско-украинских отношениях. Воспоминания о событиях 1918–1919 гг. накладывали отпечаток и на украинскую, и на польскую общественную мысль. Если часть украинского политического лагеря через несколько лет пришла к мысли о возможности сотрудничества с польскими властями, то другая часть, напротив, постепенно радикализировалась, что привело к укреплению украинского националистического движения. Польские власти столкнулись с необходимостью укрепления своих позиций в восточнославянском регионе, в котором украинские деятели вели борьбу за укрепление украинского национального самосознания среди широких масс населения.

Угорская Русь, входившая в Венгерское королевство, после распада Австрийской империи представляла несомненный интерес для различных политических игроков. Свои претензии на эту территорию с восточнославянским населением заявляли и венгры, и чехи, и украинцы Галиции. Среди самих русинов находились сторонники различных вариантов решения закарпатской проблемы, о чем свидетельствуют обращения образовавшихся осенью 1918 г. русинских народных рад в различных городах края. Так, Ужгородская народная рада обнародовала венгерские предпочтения, рада в Хусте высказалась за присоединение к Соборной Украине, рада в Прешове первоначально вообще обходила стороной вопрос о присоединении русинских земель к какому-либо государству, ссылаясь на право свободного самоопределения и возможность изложить свои требования на мирной конференции. А после объединения Лемковской и Прешовской рады в Карпаторусскую народную раду последняя высказалась за присоединение Подкарпатской Руси и Лемковской Руси к Чехословакии. Сторонники присоединения к России надеялись на восстановление порядка в государстве. Например, в изданной в марте 1919 г. декларации Карпаторусского комитета в Париже говорилось о том, что русский народ составляет большинство населения Галиции, Буковины и Закарпатья и стремится присоединиться к России²³⁷.

²³⁴ Дем'янюк О. Й. Волинь та Галичина в українсько-польських стосунках у 1919 р. // Вісн. Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Львів, 2007. № 584: Держава та армія. С. 118.

²³⁵ Михутина И. В. Польско-украинский союз 1920 года // Славяноведение. 2011. № 5. С. 16.

²³⁶ Там же. С. 16–17.

²³⁷ Шевченко К. В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М., 2010. С. 122.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.